

ВИКТОРИЯ ВИТА

ЭТОТ СИЛЬНЫЙ СЛАБЫЙ ПОЛ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Виктория Вита

Этот сильный слабый пол

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вита В.

Этот сильный слабый пол / В. Вита — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Увлекательный, динамичный, иронический детектив, где главные героини – женщины, обременённые бытом, работой, личной неустроенностью, – внезапно оказываются в вихре таинственных, порой кровавых событий, угрожающих их жизни. Книга поможет отвлечься от сиюминутных проблем и отдохнуть от повседневных забот, получить заряд хорошего настроения и дать надежду, что всё будет хорошо, потому что иначе быть не может. «Три женщины. Варвара – хирург; Татьяна – гинеколог; и Ольга – терапевт. Их объединяет не только медицина, но ещё и приближение кризиса среднего возраста... и не сложившаяся личная жизнь. Но разве это повод опускать руки и унывать? В один момент жизнь их закрутила смертельным водоворотом. Они пройдут через кровь и огонь, через боль потерь и страдания – они станут другими. Но чего не будет – так это безропотного смирения и покорности надвигающимся неприятностям. Рано или поздно всё тайное станет явным, и к унылому прошлому уже не будет возврата...»

© Вита В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Виктория Вита

Этот сильный слабый пол

Моим подругам, кто в горе
и в радости – всегда рядом.
Сильные люди – это не те,
у которых все хорошо,
это те, у которых все хорошо,
несмотря ни на что.

Часть 1

За дверью раздавались звуки, похожие на артподготовку, в которой, по меньшей мере, участвовала установка «Земля – Воздух». Варвара не знала, как работает такая установка, и вообще была очень далека от армейских дел, хотя и была лейтенантом запаса, лейтенантом медслужбы. В коридоре продолжался грохот, то наращивая свою мощь, то заметно снижая. Варвара давно уже была знакома с методами уборки санитарками бесконечно огромного коридора их хирургического отделения. Здание клиники все-таки было построено в конце девятнадцатого века, построено крепко, мощно, короче, действительно на века. В самой ординаторской было пусто. Молодежь, в виде клинических ординаторов, чтобы пораньше удрать после дежурства, ни свет ни заря рванули по палатам, без зазрения совести, будили пациентов, настойчиво приглашая их на перевязки. За дверью, в коридоре продолжала активно грохотать пластиковыми принадлежностями для уборки санитарка, Марфа Васильевна. Марфа Васильевна – ну дали же родители имечко, небось, в детстве дразнили Марфуткой и Марфушечкой-душечкой, как в детском фильме. Сейчас не то что за глаза, а даже в помыслах никто не мог к ней так обратиться, так как, несмотря на занимаемую должность, она представляла собой величавую даму. Эта дама, именно дама неопределенного, но явно пенсионного возраста, имела монументальное телосложение и такой же характер. Для нее не существовало авторитетов, пожалуй, кроме самой Варвары, к которой, неизвестно почему, она питала определенную слабость и почти по-матерински ей покровительствовала. Все что нельзя было остальным, независимо от их статуса, пола и возраста, Варваре – «деточке» сходило с рук. Однажды главный врач, Альберт Альбертович, среди простых смертных АльАль, иногда – наш Капоне, но чаще всего слышалось наш аналь-аналь, забрел на их отделение во время генеральной уборки. Марфа Васильевна с видом разгневанного Посейдона всех гоняла шваброй по коридору. Пациенты, посетители, врачи вжимались в стену, и всем своим видом показывая, как это мучительно не уметь летать. АльАль шел по самой середине коридора, как обычно, не замечая никого и ничего вокруг, а за ним, по еще влажному полу, ровной цепочкой тянулись четкие черные следы. Санитарка встала в позу «Девушки с веслом» и голосом, способным перекрыть рев среднего размера водопада, гаркнула: «Стоять!». Встали все, и не только те, кто в это время был в коридоре, но и те, кто был в палатах и в ординаторской на другом конце коридора, кажется, даже настенные электронные часы, и те остановились. Главный замер, выкатив и до того слишком «выразительные» глаза.

– Это ты мне?! – Его шепот был, пожалуй, страшнее, чем громовой раскат Марфы Васильевны.

– Тебе, касатик, тебе, – пророкотал монумент, усиливая ударение на «тебе». Мало того, что на «ты», еще и «касатик». Менее подходящее обращение для главного просто нельзя было подобрать. Он был чрезвычайно высок и до невозможности худ, ко всему, редкие белесовато-рыжие волосы, несмотря на укладку, не прикрывали уже наметившиеся залысины, просвечивающие мерзким бледно – розовым цветом. Лицо с мелкими чертами, казалось, состояло из одних углов. Глубоко посаженные голубые водянистые глаза окружали красноватые веки без ресниц; тонкий с горбинкой нос и рот щель, с полным отсутствием губ, и скошенный, из-

за неправильного прикуса, подбородок. Кожа белая до голубизны покрытая рыжими веснушками, была такая тонкая, что через нее просвечивала капиллярная сеть и казалось, если главный откроет широко рот или, не дай Бог, улыбнется, то она просто треснет по всему контуру лица. Поэтому «касатик» звучало не просто насмешкой, а уничижительной насмешкой.

– Как зовут?! – практически не открывая рта, спросил главный.

– Марфа Васильевна я, – бодро отрапортовала санитарка и вытянулась во фронт, то есть выпрямилась во всю статью и выкатила вперед весьма внушительных размеров грудь. – А теперь, касатик, на ко, – и Марфа сунула главному швабру в руки, – вот те швабра, а вот те ведро, а вот позади тебя поле деятельности. Себя, мил человек, можете не уважать сколь вам это угодно, а вот труд других, уж соблаговолите... , и, несмотря на явные дефекты своего воспитания, опять же соблаговолите уважать женщин и людей старше вас по возрасту. И, выразившись столь высоким штилем, Марфа Васильевна, едва не сделав книксен, развернулась к нему спиной и царственно выплыла с отделения. Варвара была тогда невольным свидетелем происходящего и видела, как у АльАлыча лицо за долю секунды сменило все цвета радуги и остановилось на багрово-фиолетовом.

– Мы его сейчас потеряем, – прошептал стоявший рядом Степушка, ординатор первого года. Ситуацию тогда спас заведующий отделением: появившийся, как кот Бегемот, из неоткуда, он выхватил из рук окаменевшего, как соляной столб, главного врача швабру и тут же неизвестно куда с этой шваброй исчез. Марфа Васильевна вышла на работу в свою смену, через два дня, хотя ее никто уже не ждал. Более того, премию, которой приказом главного она была лишена за «нарушение трудовой дисциплины», ей вернули в двойном размере с благодарностью «за ударный труд». Приказ о наказании тихо отменили без каких-либо комментариев.

Воспоминания вызвали у Варвары улыбку, хотя после этого происшествия, свидетелем которого она стала, причем совершенно случайно, ее взаимоотношения с главным значительно ухудшились. Они, эти отношения, никогда не выходили за рамки деловых, но именно они как-то сразу и не сложились, причем с того самого момента, как АльАль занял руководящее кресло. И если до инцидента взаимоотношения уже были не ахти какие, то после и вовсе ушли в минус. То есть были заморозки, а здесь наступил просто ледниковый период.

Варвара не умела общаться с сильными мира сего, не умела заводить дружбу с нужными людьми, не умела, дожив уже до весьма зрелых лет, собой приторговывать. Нельзя сказать, что это тешило ее самолюбие, может быть, так, и было бы, если бы она была великим ученым или светилом в медицине, но не задалось...

Процесс самобичевания был прерван телефонным звонком. Если это приемный покой – убью всех, – мелькнула у нее кровожадная мысль. Часы показали семь утра, и до начала рабочего дня оставалось еще два часа. Минуту назад была надежда, что можно чуть передохнуть, рухнув на старый продавленный диван, который теперь показался таким недоступно уютным.

Ночь была тяжелой. Казалось, весь город решил именно в ее дежурство переломать себе руки, ноги, шеи, получить ножевые ранения во все возможные и невозможные места. Все дежурство в операционной, только и успевала перемыться и снова к столу. Ординаторы, так любившие с ней дежурить, сменяя друг друга, писали истории болезней. Один ассистировал во время операции, другой писал, затем смена позиций. Вроде и не праздник, и не выходной...

Телефон продолжал требовательно надрываться.

– Я умерла, – громко и внятно произнесла Варвара, испепеляя взглядом ненавистный аппарат. Пластиковому раритету советских времен было глубоко наплевать на эти взгляды. Почти за тридцать лет своего существования он и не такое видел и испытал, о чем свидетельствовали многочисленные пластыри и изолянты на его корпусе и трубке.

– Вторая хирургия, доктор..., – рявкнула в трубку Варвара и не успела закончить.

– Это не приемный, Варюш, не дергайся, – неестественно ележно защебетала трубка, – ты там еще жива?! Если минутка есть, может, по кофейку?!

У Варвары тяжело ухнуло сердце. На душе от нехорошего предчувствия вдруг стало темно, холодно и слякотно, как поздним вечером в ноябре.

Татьяна, гинеколог, дежурила сегодня вместе с ней. Их отделение тоже работало на ввоз. Гинекологи носились как ошпаренные, и как Татьяна практически не выходила из операционной. Но под утро вдруг резко наступило затишье, и в том, что она позвонила, не было ничего удивительного, кроме одного... Татьяна никогда не разговаривала таким приторно слащавым голосом, как будто была в чем-то виновата и заранее просила прощения.

– Варюш, чего молчишь? Или занята? Так я потом..., – голос так и напрашивался на ответ: «скажи потом, когда-нибудь потом, только не сегодня, не сейчас...».

– Нет, – внезапно осипшим голосом ответила Варвара, – я свободна, и у меня есть прекрасный кофе. Где встречаемся – мне к вам в ординаторскую подняться или... – Татьяна опять не дала ей закончить фразу.

– Я уже спускаюсь, – и в ее голосе прозвучали нотки покорности чему-то неприятному, но неотвратимому.

Татьяна была прекрасным врачом, и не только, она была еще очень доброй, деликатной и всегда полна оптимизма. Прекрасные качества для женщины, а особенно для гинеколога. Она была рада видеть всех, ну почти всех, и всегда, и эта радость практически всегда была искренней. Самые мерзопакостные личности, у которых во врагах ходил весь мир старались стать ей пусть не близким другом, но хотя бы хорошим приятелем. Всегда готовая помочь всему миру, она к себе близко никого не подпускала, мягко, но настойчиво отваживала тех, кто напрашивался к ней в гости или расспрашивал о семейной жизни. Периодически она носила обручальное кольцо, надевая его то на правую, то на левую руку, как будто не могла окончательно определиться с выбором. С домашними по телефону старалась разговаривать только в тех случаях, когда оставалась одна в ординаторской, а если кто-то в это время заходил в кабинет, разговор сразу заканчивала, даже на половине фразы.

Дверь приоткрылась и в проёме нарисовались пурпурные щеки Татьяны. Она по виду была типичная кустодиевская купчиха, шикарная и позитивная, но весила килограмм на двадцать меньше, чем красавица на известной картине.

– Ну что, хозяйка, стоишь, как памятник? Где фарфор? Где турка с кофе, наполняющая смыслом жизнь бедного гинеколога? Хорошо хоть я бутерброды с сыром принесла, а то сами голодаете и других морите.

– Мы не голодаем, – обиженно произнесла Варвара и достала из анналов своего стола вафельный торт.

– Ну, понятно, – продолжала Татьяна, вместо японского фарфора, о существовании которого они обе, конечно, знали, но «кофию» из него никогда не пивали, расставляя дежурные чашки, выбирая среди них наиболее целые и чистые. Задача была практически невыполнимой, так как в их ординаторской одно напрочь исключало другое.

Наконец поиски увенчались, пусть сомнительным, но все же успехом. Была найдена пара разномастных, относительно чистых чашек, где трещины, конечно же, были, но зато отсутствовали сколы и, соответственно, не было явного риска порезаться во время потребления живительного напитка. Чайник призывно урчал – это вместо турки, а вместо зернового свежемолотого не самый плохой растворимый. Татьяна придирчиво рассматривала дату годности на коробке с тортиком и полувопросительно-полуутвердительно прокомментировала:

– Наверное, бабулька какая-нибудь угостила.

– Ага, – кивнула Варвара, – из пятой палаты, с переломом шейки бедра. А как ты догадалась?

– По дате изготовления. Срок годности истек неделю назад. – Татьяна разливала кипяток в чашки, поставив их, на всякий случай, на безопасное расстояние от себя и Варвары. Варвара удивленно наблюдала за ее манипуляциями.

– Ну, если у чашки трещина проникающая, а не поверхностная, то от кипятка чашка может лопнуть, а я не хочу из вашего отделения перейти в ожоговое. – Татьяна была горда собой. – А насчет бабушки совсем просто: они помнят войну, послевоенное время, застой и перестройку и поэтому все покупают про запас. Но все равно, такой торт годен к употреблению, там нет крема. Неделя – это не катастрофа для здоровья, а тем более для жизни.

Ни умолкая не на секунду, Татьяна покрошила весь торт на порционные кусочки, развернула бутерброды – оставив их на упаковочной фольге, так как спрашивать о наличии тарелок на фоне такого «чашечного изобилия» она посчитала верхом неприличия. И, забив рот куском вафельного торта, вдруг спросила: – Варь, у тебя коньяка нет?

– Здесь нет. – Варвара, до этого с недоумением наблюдавшая всю нездоровую суету при накрытии «поляны», теперь просто ушла в астрал. Вернул к действительности ее следующий вопрос Татьяны:

– А вообще что-нибудь такое эдакое, покрепче?

– В семь утра? Покрепче? – В голосе Варвары явно звучало сожаление о том, что она явно поторопилась вернуться в этот мир. – Можно, конечно, попробовать спирт выжать из стерильных одноразовых салфеток, а еще их, наверное, можно просто пожевать. Я, правда, никогда не пробовала, но какие наши годы...

Ответ Варвары произвел должное действие. Татьяна проглотила кусок и произнесла своим обычным голосом, без елеса и какого-либо сюсюканья:

– Варь, ты бесплодна, то есть у тебя никогда не будет своих детей. Все результаты пришли еще вчера, все по нулям. Извини, перед дежурством не могла тебе все рассказать.

Варвара чуть прикрыла глаза, стараясь понять услышанное. Несколько слов, действие которых, наверное, можно было сравнить с ледяным душем, лавиной, которая накрыла ее какой-то страшной безысходной пустотой. Переспрашивать, выяснять, что именно не так и неужели ничего нельзя сделать, было незачем. Тот голос, который вынес окончательный вердикт, ни давал не малейшего шанса. Впрочем, разве она сама об этом не догадывалась?

У нее за плечами была пара романов. Один случайный, короткий, в котором она пыталась забыть свое недолгое замужество и позорный, с выворотом души наизнанку, развод. Потом, правда, был еще один роман, долгий и болезненный, именно тогда в ее душе что-то надломилось и «любовь», или как это там теперь называется, ей стала не интересна, а физиология, иногда пытающаяся напомнить о себе, была задавлена «ударной трудовой деятельностью». Но ведь все же было и замужество, и романтические отношения, и ничего..., беременности не было. Давно хотела обследоваться и боялась, боялась услышать именно эти слова, что ничего не может быть. Но, может, тогда, когда была моложе, еще что-то можно было исправить, а сейчас... Смешно. Пенсия не за горами. В этом возрасте люди с внуками гуляют, а тут проснулась! Здрасте, мы созрели для материнства...

– Варвара Семеновна, вам плохо? – дуэтом спросили ординаторы, испуганно прижавшись друг к другу. Татьяны уже в ординаторской не было. Она незаметно выскользнула за дверь и буквально растворилась в бесконечных коридорах старого здания клиники.

– Нет, коллеги, спасибо, все хорошо, – и в подтверждение своих слов она постаралась улыбнуться, чем, судя по лицам молодых врачей, еще больше их напугала. – Нет, действительно все хорошо. И вообще садитесь перекусите, а то сейчас налетят из дома «неуспевшие позавтракать» и вам даже фольги от бутербродов не останется.

Больше приглашать не пришлось. Молодые, здоровые, голодные, далекие от проблем старшего поколения, да у них и своих с лихвой хватает, ринулись к столу, как будто от этого зависела жизнь всего человечества.

– А вы, Варвара Семеновна, – с забытым ртом едва смог выговорить Степушка.

– Спасибо, Степан, я с Татьяной Григорьевной, с гинекологии перекусила, и еще там кофе, и чайник, наверно еще не остыл..., – Варвара как-то слишком быстро встала из-за стола.

Молодые врачи дружно перестали жевать и с недоумением воззрились на нее. – Ешьте, ешьте, – вторая улыбка получилась более удачной, и дружное жевание тут же возобновилось.

Говорят, что человек не может ни о чем не думать. Теперь Варвара знала, что такое может быть. В голове было пусто, просто ни одной, даже самой захудалой мысли. Наверно, надо выйти в коридор и чуть проветриться, сейчас начнут все собираться на утреннюю конференцию в отделении, а затем общебольничная, и нельзя всех пугать своим видом. В конце концов, никто не умер, и не она первая, не она последняя. Ну, что ж, заведу еще одного кота, а лучше двух, и мы все вместе будем медленно стареть. А то пеленки, распашонки, детский сад, школа – одна головная боль...

И вдруг Варвара ясно, очень ясно почувствовала, что если сейчас она не выберет другую тактику мышления, то все закончится банальными слезами, и не просто слезами, а реками, морями слез от жалости к себе, к своей собственной глупости и лени, которая не позволила все решить вовремя. Она широко распахнула дверь и почти выпала в еще сумрачный коридор. Марфа Васильевна стояла буквально в двух шагах от двери и всей своей позой просто излучала ожидание.

– Ну вот, а я тут стою и думаю, когда ж вы-то появитесь? После того, как гинекология вся в красных пятнах выскочила из кабинета, а потом эти два мальчика туда ввалились, ну, думаю, вы там с ними долго не продержитесь и скоро здесь сами будете. Только в одном ошиблась: думала вы плакать будете, а вы молодец, видно, трудно, но держитесь... – Марфа Васильевна чуть перевела дыхание и продолжила: – только вы ничего сейчас не говорите, потому что точно слезы польются, они и так, видно на подходе, а на конференции сидеть заплаканной, с красным носом и опухшими глазами, это *mauvais ton*.

У Варвары от неожиданности мгновенно высохли уже подступившая к горлу сырость.

– Дурной тон, – перешла на родную речь санитарка, – хотя я думаю, вы меня и так поняли. И еще, я не ваша фея-крестная, да и вы, Варвара Семеновна, далеко не Золушка, и все же я вам тут написала свой телефон: ну, бывает такое, что совсем не к кому обратиться, а все очень, ну совсем очень плохо так вот тогда и позвоните, а если вдруг все хорошо, хотя, думаю, это не ваш случай, тогда звоните обязательно.

Марфа Васильевна сунула в Варварину ладонь скомканную бумажку и, как-то неуловимо кивнув головой, легко подхватив ведро и швабру, двинулась в глубь коридора.

Утренняя конференция на отделении напоминала небольшой переполох в курятнике. Говорили все, кто о прошедшем вечере, кто о планах на предстоящие выходные, кто о последних новостях: цены, Украина, Америка, Евросоюз – там было все по-прежнему, цены росли, Украина билась в националистической истерике, Америка и Европа дружили против России. В меньшей степени интересовались пациентами. Отделение не хозрасчетное, здесь в основном лежали забытые близкими и Богом старики, лица, кроме прописки, не имеющие ничего и «гости нашего города» посетившие его улицы в роковой для них час. Почти как у Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Минуты, конечно, для них явно оказались роковыми. Нечего путать духовное и материальное, и как закономерный итог – койка на второй хирургии. А Тютчев, Варвара очень любила Тютчева и вообще русскую поэзию девятнадцатого и начала двадцатого века.

– Что вы там все бормочете, Варвара Семеновна?

Гул в ординаторской прекратился, и воцарилась недоумевающая тишина. Еще никогда Иван Федорович, свежееиспеченный как кандидат медицинских наук, так и заведующий отделением, не прерывал конференцию, обращаясь к кому-то конкретно. Это было из ряда вон выходящее событие.

– Да, да, Варвара Семеновна, я к вам обращаюсь, о чем вы там шепчете всю конференцию? – Иван Федорович наслаждался произведенным на всех впечатлением. – Нам просто всем будет интересно, не правда ли, коллеги?

– Я, – растерялась Варвара, – я о Тютчеве...

– О каком Тютчеве, это новенький? В какой палате и почему вы о нем не доложили? Иван Федорович возмущенно поднялся со своего стула. Внешне заведующий чем-то был похож на баклажан. Небольшая грушевидная голова с тугими щечками, полноватые плечи, плавно стекающие в обширную тазобедренную часть. Лицо и особенно бульбообразный нос были испещрены сетью фиолетовых атеросклеротических прожилок, что еще больше делало его схожим с овощем.

– Это не пациент, это Федор Иванович..., – попыталась осторожно выйти из неловкого положения Варвара.

– Я Иван Федорович, – повысил голос до фальцета заведующим, – пора запомнить, как зовут ваше непосредственное начальство.

– Я помню, как вас зовут, – в голосе Варвары зазвенел металл, – я говорю о Федоре Ивановиче Тютчеве, который умер...

– Что-о-о, когда? – казалось, что заведующего сейчас хватит апоплексический удар.

– Великий русский поэт Тютчев Федор Иванович умер в 1873 году, – невозмутимо закончила Варвара. Иван Федорович чуть качнулся вперед и с такой силой сжал спинку стула, что раздался треск: то ли стул таким образом прощался с незадавшейся жизнью, то ли это трещали фаланги пальцев заведующего. Все, кто находился в ординаторской, боялись не только что-то сказать, прокомментировать, а зная его истероидную натуру, боялись даже пошевелиться и дышать. И это был не просто страх, а скорее общее недоумение, непонимание происходящего, с чего все началось и что послужило причиной истерики у молодого, здорового и благополучного мужика можно было только догадываться.

Обведя налитыми кровью глазами всех присутствующих и остановив взгляд на Варваре, Иван Федорович на одном выдохе произнес:

– После общеклинической конференции вас к себе в кабинет вызывает Альберт Альбертович, настоятельно рекомендую вам не задерживаться, – и строевым шагом вышел из ординаторской.

– Элвис покинул здание, «Лада седан – баклажан», – наперебой стали выдавать перлы, демонстрируя свое остроумие, ординаторы; на них тут же шикнули многоопытные коллеги. Ведь то, что у стен бывают уши, – это далеко не игра слов, многие из старых врачей испытали это на своей шкуре, а у некоторых из них даже остались шрамы.

В зал для конференций все шли молча. Начало дня явно не предвещало ничего хорошего.

– Ты чего с ним связалась? – толкнула в бок Варвару Елена Михайловна, молодая и постоянно беременная врач, у нее уже было трое детишек и сейчас она счастливо ожидала четвертого.

– Ты же знаешь, мало того, что он патологически глуп, но и также патологически амбициозен и мстителен.

– Лен, не бери в голову, – Варвара передернула плечами, – все равно кто-то должен дежурить и стоять у станка, рабочая сила нужна в любые времена и при любой власти.

– Он еще слишком молод, неопытен и глуп, чтобы это понимать, – попыталась развить тему Елена.

– Лен, давай о приятном, – Варвара резко сменила тему. – Кого теперь ждешь, мальчика или девочку?

– Не знаю и не хочу знать, – Елена умиротворяюще улыбнулась, – главное, чтобы родился здоровеньким. Да, если после конференции ни увидимся, не пуха тебе на аудиенции у главного.

Варвара благодарно кивнула головой.

Конференция проходила буднично, скучно. В голове теснились мысли одна «радостнее» другой. Волновали ночные прооперированные пациенты, и тут же всплывали, перекрывая все и вся, разговор с Татьяной и глупейшая схватка с заведующим. Чего она с ним завелась? От

злости, что жизнь не удалась, что не получается то, о чем мечталось? Ну а причем здесь дурачок с купленной степенью и случайно или не случайно занявший руководящее кресло? Ведь, по большому счету, он не вмешивался в ее работу и был хотя и не умен, но все-таки безобиден, а теперь стал врагом. Тютчева он ей никогда не простит, даже не самого Тютчева, а то, что он при всех оказался в глупейшем положении. Варвара тяжело вздохнула. Как там у Высоцкого: «Бермудорно на сердце и бермудно на душе». Вот уж точнее не скажешь. Теперь она очень хорошо представляла, что это такое.

После конференции ее еще больше часа мариновали в приемной перед кабинетом главного врача. Знакомые и незнакомые люди, в своем большинстве с озабоченными выражениями лиц, входили и выходили из его кабинета, некоторые сочувственно кивали Варваре, как будто знали что-то особенно важное и уже заранее жалели ее. Ожидание становилось просто невыносимым, когда ее все-таки пригласили в «тронный зал».

Кабинет был выдержан в классическом стиле ретро: то ли барокко, то ли рококо, она не очень в этом разбиралась, но излишняя пышность, помпезность резала глаз. Вся мебель была красного дерева с вычурной резьбой и обита бордовым бархатом. Стены были защиты дубовыми панелями и на полу, конечно, дубовый паркет. В тон подобранные портьеры плотно закрывали огромные окна. В кабинете устойчиво витал дух похоронной конторы среднего уровня. Главный сидел, даже не сидел, а утопал в огромном кресле, сложив перед собой руки на стол такого огромного размера, что на нем можно было бы играть в настольный теннис. Пальцы рук сплетались, расплетались и вновь переплетались, постоянно находясь в движении, они, казалось, жили своей собственной особенной жизнью, и это вольно или невольно приковывало к себе взгляд.

– Варвара Семеновна, – главный чревовещал, практически, не открывая рта, – мне бы хотелось, чтобы вы меня внимательно выслушали и не перебивали, затем хорошо все обдумали, и на следующей неделе, мы снова с вами встретимся и продолжим разговор.

Варвара молча кивнула. Главный врач не предложил ей присесть, но после такого ночного дежурства, плюс ожидание в приемной, не говоря о всяких там мелочах, как общение с коллегами, значительно укрепивших ее жизненный дух, она подспудно догадывалась, о чем пойдет речь, и без приглашения села на ближайший стул, постаравшись устроиться с максимально возможными удобствами и приличиями, согласно складывающейся ситуации, и вся превратилась в слух.

Дорога домой обычно не занимала много времени, но сегодня, несмотря на то, что ее и отпустили с работы пораньше, и все удачно складывалось и с транспортом, и с магазинами, даже свою «Копейку» она успела забрать из автосервиса, как-то все равно все шло не так. Дядя Миша, этакий Винни-Пух из советского мультфильма, он не был ее родным дядей, но в свое время его удачно прооперированное колено сделало их ближе, чем родственниками. Она стала фактически домашними врачом всех его близких, а у него их было немало, а он, в качестве благодарности, прикладывал максимум усилий, чтобы из ее стареньких «Жигулей» сделать «Мазерати». Иногда, садясь в свою машину после ее очередной разборки и сборки, Варваре начинало казаться, что машине не хватает только нового кузова, и это только потому, что просто дядя Миша еще не нашел подходящий спорткар, кузов которого был бы достоин ее «Жигуленка».

– Ты там на трассе поосторожнее со скоростью, – сказал он в напутственном слове, – там на спидометре будет 60 километров в час, а в действительности твоя ласточка будет идти под восемьдесят. Под твой двигатель я пока нормальный спидометр не смог подобрать. Ты после выходных мне машинку снова подгони, я ее доработаю.

– Дядя Миша, – робким полусшепотом поинтересовалась Варвара, – а что с моим двигателем не так, ведь там, кажется, что-то с движком было?

Что такое движок, она не имела абсолютно никакого понятия, но это слово было на слуху, и Варвара не преминула блеснуть своими техническими познаниями. Дядя Миша горестно вздохнул и, жалостливо взглянув на нее, как на убогую, отдал ключи от машины.

– Поезжай уже к себе на дачу, а то на тебя уже смотреть страшно, зеленая вся, – механик горестно покачал головой, – движок... какой там движок... Там все пришлось менять, сам не могу понять, как ты ко мне тогда доехала. Так, езжай давай и не морочь мне голову. Много будешь знать, скоро состаришься. И не забудь, не гоняй и после выходных сразу машину ко мне.

Утомленный собственной тирадой, он продолжая что-то возмущенно бурчать себе под нос, скрылся за припаркованным у самых ворот автосервиса огромным внедорожником. В душе Варвара была с ним совершенно согласна, нечего лезть в те области, в которых ты ничего не смыслишь. Тебе все сделали? Сказала спасибо, и до свидания. Главное – она на колесах и сегодня вечером или рано утречком можно ехать на фазенду. Да, и не забыть заехать в аптеку закупить по списку лекарств для тети Зины, соседки по даче. В этом списке было все, кроме, наверное, морфия и цианистого калия.

Тетя Зина никогда в жизни ничем не болела, вышла на пенсию по выслуге, а не по возрасту, работая кем-то секретным и на каком-то очень секретном производстве. Она тогда сразу продала питерскую квартиру и, предварительно снеся свою старую «избушку на курьих ножках», «отгрохала» на своем участке, по меркам односельчан, «дворец», который представлял собой двухэтажный каменный дом с верандой, выложенной из настоящих дубовых бревен, с мезонином и балкончиком, сразу и переехала в него на постоянное место жительства. В доме было пять комнат, уютная большая кухня, гостиная, она же и столовая, и главная достопримечательность – ванная с душевой-сауной, хотя во дворе стояла баня – капитально сложенный деревянный сруб.

Варвара тетю Зину знала с раннего детства, и с этого раннего детства тетя Зина совершенно не изменилась. Всегда ухоженная, с тщательно уложенной косой вокруг головы, чуть полноватая и до маниакальности любящая порядок во всем и везде. Она очень много читала и иногда по вечерам играла на старом фортепьяно, стоящем в гостиной. Кроме музицирования, тетя Зина с удовольствием занималась домашним хозяйством, своим роскошным огородом и садом. У нее не было мужа, детей и родственников, ни близких, ни дальних, во всяком случае, она никогда о них не рассказывала, так же как и о своей личной жизни. Но это ей не мешало с конца лета и до середины осени с завидным усердием заниматься домашним консервированием. И еще тетя Зина очень увлекалась фармацевтикой: каждые полгода, так, на всякий случай, она обновляла свою аптечку, избавляясь от лекарств, срок годности которых подходил к концу, и заменяла их новыми. Ее фармакологическим запасам могла позавидовать небольшая районная больница. Основным принцип жизни тети Зины был: «А вдруг, что случится?» И конечно, кроме лекарств, в запасниках, в невероятных количествах хранились спички, соль, керосин, крупы, консервы и бутилированная вода.

– Варенька, ты не волнуйся, – это была ее любимая тема, – если что, годик, а если скромно, то и два мы с тобой продержимся.

Варвара даже не пыталась уточнять, что значит «если что», потому что по ее личному мнению, если, не дай Бог, «что», то спички и керосин им уж точно не понадобятся, и подобную предусмотрительность списывала на последствия работы в «секретном учреждении» и «зрелый возраст» тети Зины.

Несмотря на постоянную «боевую готовность», тетя Зина была полна здорового оптимизма и веры в «светлое будущее».

Варвара забросила на заднее сидение сумку и пакет с «врачебным набором» – шампанское и конфеты. Она не любила шампанское, то есть конечно, любила, а вот ее камни в почках были категорически против любых шипучих напитков. Правда, с «утилизацией» этого заме-

чательного напитка проблем никогда не было: у нее были подруги, у которых с этим органом было все в порядке. Но эта бутылка будет отвезена на дачу тете Зине, у нее скоро должен быть юбилей – круглая дата, которую они собирались красиво отметить на лоне природы, то есть на своих шести сотках.

Варвара повернула ключ зажигания, сцепление, газ, и машина, чуть не с прыжка рванула с места в карьер; в зеркале заднего вида мелькнуло довольное лицо дяди Миши, наблюдавшего за ней из-за внедорожника. «Он, наверно, мне ракетный двигатель под капот поставил...» – и с этой мыслью, помахав ему на прощание рукой, она плавно вырулила на дорогу.

Припарковаться у дома в это время было проще простого, и это не могло не радовать, начала сказываться невероятная усталость, и адреналин, на котором она держалась последние часы, подходил к концу. «Так, все, я практически дома, теперь главное ничего не забыть в машине, и чтобы лифт работал» (он был настоящим проклятьем их подъезда). Чтобы хотя бы как-то взбодриться, она начала вслух перечислять: «Сумка с ключами, пакет с шампанским, пакет с едой – это для меня, это для Бармалея, бедный кошак, наверно, за сутки одиночества совсем одичал. Так, дальше – пакет с лекарствами, и где-то еще должен быть зонтик, хотя если его здесь нет, а его здесь нет, значит, он дома или... или будет отнесен к безвозвратным потерям».

Собрав все покупки, Варвара закрыла машину и двинулась к скрытому дикорастущими кустами подъезду. Май буйствовал отнюдь не весенней зеленью и обещал прекрасное, может быть, даже южное лето. Если бы это было так, то можно будет не жалеть, что в очередной раз она не попадет в теплые края. А когда ночи короткие и теплые, день длинный и солнечный, разве могут быть серьезные проблемы? Ни в коем случае, так, бытовые мелочи... .

До лета еще три недели, и еще неизвестно, каким оно будет, а бытовые мелочи уже начались сразу на первом этаже. Лампочка у автоматической двери лифта горела ярким и таким же радостным и постоянным светом, как солнышко на улице, и не собиралась гаснуть. Это говорило о том, что лифт в очередной раз не работает. На всякий случай Варвара несколько раз нажала на нахально светящуюся кнопку и прислушалась. Потом еще и еще раз, мол, а вдруг... , все-таки... . Эффект был тот же, то есть никакого.

– Вот гад какой, – неизвестно кому сказала Варвара и прислушалась: может, это подействует на лифт, и он двинется с мертвой точки. Ну что ж, шестой этаж – это не восьмой и, что совсем ее «порадовало», не десятый. «Поэтому бодренькой рысцой... ну хорошо, пусть не бодренькой и, конечно, не рысцой, а как-нибудь тихой сапой потихоньку-помаленьку и взберусь», – так мысленно убеждая себя, Варвара поудобнее перехватила пакеты и вдруг услышала тонкий писк. Он был такой жалобный, как у придавленного котенка. Но это был не котенок, Варвара это поняла сразу, нет, не котенок, слишком он был жалобный, короткий, и какой-то придушенный. И опять стало тихо.

Она секунду постояла, прислушиваясь: ни звука. Усталость как рукой сняло. Что-то происходило там внизу, в подвале. Еще войдя в подъезд и поднимаясь на площадку, куда выходил лифт, она обратила внимание, что на двери подвала нет навесного замка, и ведь еще тогда подумала, что опять ЖЭК какой-то ремонт затеяла и могут воду отключить, или горячую, или холодную, а то и ту, и другую сразу.

Вновь раздавшийся тревожный звук прервался на каком-то взлете. Больше не медля, Варвара поставила пакеты на пол, ни секунды не сомневаясь в принятом решении, извлекла бутылку с шампанским из пакета, перехватив ее за горлышко, как противотанковую гранату в старых военных фильмах, стала спускаться вниз. Непосредственно к подвалу вела лестница, похожая на морской трап, это были не ступеньки, а узкие металлические перекладки. Даже в мокалинах, держась одной рукой за шаткое перильце, идти по таким «ступенькам» было неудобно и опасно. Но сейчас было не до этого. Затылок наливался тяжестью, в висках пульсировала нарастающая боль. Дыхание перехватило, а сердце в груди билось с такой силой, что

звуки его ударов, наверно, были слышны на улице. Потянув на себя дверь за металлическую дужку для замка, который валялся тут же у двери, Варвара в ужасе замерла, ожидая душераздирающего визга давно не смазанных петель. Но дверь открылась мягко, сразу очень широко и абсолютно тихо.

То, что было потом, Варвара помнила отрывочными кадрами. Первое, что она увидела, – это была лежащая на полу огромная человеческая туша со спущенными штанами. Из-под жирных колышущихся ягодич была видна неестественно вывернутая детская ножка. Одной рукой он срывал с ребенка нижнее белье, а другой зажимал девочке рот.

– Сволочь! – Варвара кричала страшным голосом.

Он даже не успел обернуться, когда она со звериной яростью и с какой-то нечеловеческой силой обрушила на его голову бутылку с шампанским. Раздался чудовищный хруст. «Перелом основания черепа», – мелькнула холодная мысль в ее голове. После удара туша вздрогнула, вдруг как-то вся обмякла и медленно стала заваливаться на девочку. Варвара отбросила в сторону неразбившуюся бутылку и, рухнув на колени, постаралась подхватить надвигающееся на ребенка тело. Упираясь коленями в пол, Варвара с невероятным усилием столкнула стокилограммовую тушу, не дав ей придавить ребенка. Девочка была в глубоком обмороке. Варвара где-то видела ее, кажется, они даже жили в этом подъезде, но сейчас она не могла вспомнить, где...

Подхватив хрупкое тельце и прижав к своей груди, Варвара ринулась из подвала. Самое тяжелое было подниматься с ребенком на руках (девочке было лет одиннадцать – двенадцать) по лестнице-трапу. Пот заливал глаза, дрожали руки и ноги, казалось, от напряжения дрожал даже спинной мозг. Надо вылезти отсюда на улицу, там уже не страшно, там люди, они помогут. Она выбежала из подъезда, ни на секунду не выпуская девочку из своих объятий.

Наверно, она бежала бы и дальше, если бы ее не остановил жуткий визг тормозов. Прямо возле нее, почти толкнув в ее бок передним бампером, остановился огромный черный внедорожник, и из него выскочило несколько мужчин явно кавказской национальности.

– Фарида!!!! – крик, раздавшийся за спиной Варвары, был такой страшный, что она, так и не отпустив девочку, осела на асфальт, и ее голова оказалась почти на уровне радиатора. Со стороны подъезда к ним бежали, громко крича, несколько женщин, они были разного возраста, но все одеты в черные одежды и того же цвета платки.

– Он ничего не успел сделать, она не пострадала, – повторяла, как заклинание, одно и то же Варвара, – она не пострадала, я врач, я знаю, он ничего не успел сделать. Он там, в подвале, я... я, кажется, его убила, а девочка не пострадала, он не успел, у нее просто обморок, она очень испугалась, но физически не пострадала.

– Тихе, сестра, тихе, – умиротворяюще звучал мужской голос, – отдай Фариду матери.

– Пусть они перестанут кричать, – попросила Варвара, с трудом размыкая кольцо, казалось, насмерть сплетенных своих рук. Мужчина легко, как пушинку, подхватил детское тельце, что-то произнес на гортанном языке, и, как по команде наступила тишина. Двое других подхватили Варвару под руки и попытались поставить ее на ноги. Но ноги категорически отказывались выполнять свои опорные функции и предательски подкашивались.

– А можно, я еще немного посижу на земле, – жалобно попросила Варвара, – а то меня как-то ноги не держат. И еще, надо вызвать полицию. Я не знаю, где моя сумка, а там у меня телефон и еще документы и ключи от квартиры.

Она говорила еще что-то, потому что чувствовала, если замолчит, то сразу начнет рыдать – от пережитого ужаса, от усталости, от еще большего страха за то, что ей предстоит пережить. Перед глазами, как в полицейских сериалах, замелькали картины одна страшнее другой полиция, суд, вердикт «превышение допустимой самообороны» и тюрьма. Ей не дали снова сесть на асфальт, а нежно и очень настойчиво, почти на руках, внесли в подъезд. Здесь она вцепи-

лась мертвой хваткой в перила и с видом «чему быть того не миновать» вновь напомнила про полицию.

– А может, он все-таки еще жив, и если мы вызовем «скорую помощь» и ему еще можно помочь... – Варвара умоляюще смотрела на жесткие мужские лица, а в ее голове одиноко билась мысль, что, возможно, тогда она обойдется условным сроком.

– Я только что был там, в подвале, – произнес старший из мужчин, представившись Ибрагимом, – думаю, у него нет шансов...

– В каком смысле нет? – Варвара почувствовала, что все вокруг начинает заволакивать пеленой. Откуда-то издали донеслось:

– Ты не волнуйся сестра, мы разберемся, тебя никто не даст в обиду.

– И все-таки надо вызвать полицию, – возвращаясь из спасительного тумана, вновь повторила Варвара, хотя прежней уверенности в ее голосе уже не было.

– Послушай, сестра, – Ибрагим взял ее за плечи и притянул к себе, – ты сейчас пойдешь к себе домой, мои братья помогут донести твои вещи, это же они разбросаны по всей лестничной площадке. – Варвара горестно вздохнула. – Ну вот видишь, а это очень плохо, когда хлеб лежит на полу, даже если он и в пакете, – продолжал он ровным голосом.

Он говорил с ней, как с тяжелобольной, убеждая в том, что все хорошо, все обязательно будет хорошо. Но это была неправда: нет, не будет, никогда уже не будет не только хорошо, а даже как было раньше. Теперь ее жизнь разделена страшной границей: до убийства и после, а самое страшное, что она никак не могла осмыслить, что убийца – это она. И ничего, абсолютно ничего изменить нельзя. Ей захотелось закричать, завывать от того ужаса, что она пережила, и она, конечно, знала, что дальше будет еще хуже, во сто крат, в тысячу, в миллион...

Вдруг плечи сжали стальные тиски и как-то сами собой, с нарастающей силой, из стороны в сторону, как у тряпичной куклы, стала мотаться голова, и одновременно в этом генерализованном «судорожном припадке» приняли участие все ее тело, руки и ноги.

– Перестаньте меня трясти, – с трудом выдавила из себя Варвара, мелко стуча зубами.

– Посмотри мне в глаза и ответь, – произнес стальным голосом Ибрагим и еще раз, для острастки потрянул ее за плечи, – ты в той ситуации могла поступить иначе? Я не спрашиваю, был ли у тебя выбор, и так знаю, что был. Ведь ты могла не спускаться в подвал, а подняться к себе домой и продолжать жить своей жизнью. И даже спустившись, пусть ради любопытства, ведь могла тихо повернуться и уйти, и никто бы не узнал. Если бы все вернуть назад! Что бы ты сделала?! Ну, что ты молчишь?! Отвечай!

– Я бы его убила.

– Громче! – потребовал Ибрагим и еще раз, уже со злостью, сильно потрянул ее за плечи.

– Во-первых, не орите, я не глухая. Во-вторых, перестаньте меня трясти, пока у меня что-нибудь не оторвалось. И в-третьих, у него со мной не было шансов выжить.

Ибрагим с такой силой прижал ее к своей груди, что у Варвары вся жизнь пролетела перед глазами – ну, не вся, но уж некоторые моменты точно.

– Ибрагим, отпусти сестру, а то она уже синее, – произнес кто-то из братьев. Хватка сразу ослабла, потом ее еще раз чуть потрянули, наверно, проверяя все ли осталось на нужных местах.

– Сейчас мои братья помогут тебе дойти до квартиры, я попозже зайду.

В знак согласия Варвара как-то странно дернула головой, можно подумать, у нее были другие варианты. Надо расслабиться и смириться с неизбежным... нет, не так, кто же это сказал: «Если ты ничего не можешь изменить, прими это достойно», но там, кажется, речь шла о смерти, а жить, как ни странно, очень хотелось.

– Сестра, – мужской голос вывел ее из прострации, – на каком этаже живешь?

– На шестом.

– А сколько вешишь?

– Простите, что?

– Весишь сколько?

– Семьдесят, – тихо проговорила Варвара и еще тише добавила, – шесть.

Два крепыша, лет двадцати семи-тридцати, суровой кавказской внешности, в белых рубашках и черных тройках, были похожи, как близнецы. Сходство добавляли легкая щетина на смуглых лицах и одинаково уложенные волосы. «Похоронная команда», – мелькнула лихорадочная мысль и, испугавшись сама себя, тут же исчезла. Между тем «близнецы» как-то странно переглянулись. Варвара, перехватив их взгляд, тут же решила, что со своим весом она явно погорячилась, а между тем «братья» уже пришли к определенному решению. Один из них, чуть меньше ростом, за что и получил звание «младшего брата» наклонился и подхватил все ее сумки и пакеты, которые уже были кем-то сложены в аккуратную кучку. Второй, чуть покрупнее, «старший брат», тоже чуть поклонившись вдруг, подхватил Варвару на руки. Учитывая, что последний раз ее носили на руках в очень нежном возрасте, в момент, когда она вдруг ощутила, что из-под ног внезапно ушла земля, ее сердце резко усилило свою работу, где-то до ста сорока ударов, и переместилось в область горла.

– Обнимите меня за шею, пожалуйста, – произнес ее новый «брат».

«Обнимите, оптимист», – про себя хмыкнула Варвара и вцепилась в него мертвой хваткой. Он легко, чуть подкинул ее на руках, перехватив поудобней. В ее голове тут же мелькнуло – наверное, снова вес прикидывает, что заставило ее еще более усилить захват его шеи, но, кажется, он этого даже не почувствовал. «Старший брат» шел ровно, держа ее так нежно, будто она сделана из тончайшего хрусталя. Один лестничный пролет сменял другой. Он двигался спокойно, в одном выбранном им самим темпе, ни разу не ускорив и не замедлив шаг. Поднявшись на шестой этаж, он ни разу не сбился с шага, дыхание его было ровным, как и в начале пути. За ним, ровно дыша ему почти в затылок, стоял второй с ее поклажей.

– Где твоя квартира? – почти без акцента спросил «старший». Варвара молча показала на свою дверь и тут же была водружена на пол. Из протянутой сумки она извлекла ключи, достала, на удивление, сразу. Обычно на это уходило уйма времени, и иногда приходилось извлекать почти все содержимое, прежде чем находилось искомое. А вот попасть ключом в дверной замок она не смогла ни с первой, ни со второй попытки.

Пальцы рук мелко и противно дрожали. За дверью истошным голосом орал Бармалей, а эти двое продолжали стоять за спиной и внимательно наблюдали за ее действиями. Варвара постаралась собраться, и предприняла третью попытку и вовсе уронила ключи на бетонный пол, при том они зазвенели так, что у Бармалея началась настоящая истерика. Мужские руки тяжело легли на ее плечи и мягко отодвинули от двери. Один из «братьев» поднял с пола тяжелую связку, кошачий ор за дверью сразу прекратился, и с первой попытки открыл дверь. Увидев чужих людей, кот молнией рванул в комнату. Дальнейшее все происходило в полной тишине. Мужчины молча вошли в квартиру и, пройдя на кухню, поставили там пакеты, затем так же молча, прощаясь, чуть склонили головы, прижав свои правые руки к области сердца, и направились к выходу.

– Надо вызвать полицию! – вновь, как-то совсем неуверенно, выдохнула Варвара. Они чуть задержались, и ей показалось, что даже согласно кивнули, и вышли, мягко прикрыв за собой входную дверь. Показалось или все-таки кивнули?

Варвара секунду постояла, прислушалась к тишине и, быстро подойдя к двери, закрылась на все замки. Если до этого дрожали только пальцы рук, то сейчас все ее тело сотрясала крупная дрожь, зубы стучали, выбивая немыслимую дробь. Душ горячий, лучше, конечно ванна, но это долго, поэтому душ, и лучше контрастный.

Раздеваясь на ходу и по всему коридору разбрасывая вещи, она вошла в ванную и открыла кран с горячей водой. Кран недовольно фыркнул. От страха, что воду могли отключить, Варвара на одно мгновение даже перестала дрожать. Вода полилась сначала тоненькой

струйкой и еле теплая. Затем напор становился все больше, сильнее и от воды начал валить пар. «Как иногда мало надо для того, чтобы почувствовать себя счастливой», – думала Варвара, с головой залезая под душ. «Как хорошо, как мне сейчас хорошо!» Она то усиливала поток холодной воды, то уменьшала его, и, казалось, он вместе с кожей смывал всю грязь этого дня. Но ни что не может длиться вечно, надо выходить, сварить кофе и хорошо подумать, что делать дальше.

Бармалей, ошарашенный от нашествия такого количества мужчин, прятался где-то в комнате. Замотав голову полотенцем, соорудив что-то типа турецкой чалмы и накинув старый халатик, она поставила на плиту турку с кофе и приступила к разбору пакетов. «Сыр, батон, колбаса, кошачий корм, салфетки, – бормотала она себе под нос, – и только ни о чем не думать, только ни о чем не думать. Так, тушенка, лекарства...»

В дверном проеме показалась голова Бармалея. Огромный трехцветный котиче с большим черным пятном вокруг левого глаза и рыжим треугольником, который шел по его морде от носа, по щекам спускался своей верхушкой на грудь. Черное пятно было похоже на пиратскую повязку, а рыжий треугольник – на бороду, за что кот и получил такое литературное имя. Бармалей был в меру ленив, в меру, по кошачьим меркам, умен и очень хитер.

– Хочешь кушать? – на всякий случай спросила Варвара. Весь вид кота, показывал неуместность этого вопроса. Мало того, что хозяйка сутки где-то пропадала, потом притащила домой каких-то дядек, а теперь еще глупости спрашивает. Варвара кивнула головой в знак того, что осознала всю свою неправоту. Тут же был вскрыт пакет с кормом и пересыпан в миску, во вторую налита свежая вода. Бармалей был смеси благородных кровей. Его персидская мамочка слегка расслабилась с чистокровным сибиряком, пока их хозяева чаевничали, и через положенное время легкомысленная персидская красавица произвела на свет: «Не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку». Микс двух элитных пород при рождении за необычный окрас нарекли Пиратом, но став его полноправной хозяйкой Варвара решила, что Бармалей, а ласково Бармоша, и звучит лучше, да и подходит значительно больше. Соответственно и вел Бармалей себя подобающим образом, все-таки две благородные крови – это вам не одна. Сначала внимание любимой даме, потерся о ее ноги и дал возможность себя погладить и только потом, задрав, как маршалский жезл, пышный хвост, двинулся к миске с едой. При этом всем своим видом он демонстрировал, что сухой корм – это, конечно, еда не для таких особ, как он, но что поделаешь, что взять с убогой, если она сама сидит на сосисках.

– Бармоша, не сердись, пожалуйста, и вообще завтра поедем на дачу... , если, конечно, меня не посадят, – у Варвары опять начали подрагивать пальцы, и вдруг из глаз брызнули слезы. – Ну за что, Господи?! Ну, почему все со мной?! – начала она подвывать в голос.

От неожиданности кот перестал хрустеть кормом и с недоумением уставился на хозяйку. Ее надо было спасать и кот, окончательно бросив еду, передними лапами уцепился в полу халата. Он повис на стареньком ситце всей массой своего нехилого тела и, изогнув спину, потянулся. Пола халата подозрительно треснула. Варвара, спасая положение, подхватила кота на руки, но было поздно. На уровне бедра зияла огромная дырища. Бармалей же, уткнувшись мокрым носом ей в ухо, утробно замурчал, убеждая, что жизнь не столь плоха и, несмотря на сухой корм, он все равно ее очень любит.

Раздавшийся телефонный звонок прервал любовную идиллию. Номер домашнего телефона знали только самые близкие друзья, дальние и давно забытые родственники, иногда звонили рекламные агенты, страшая вселенскими катастрофами, предлагали замену окон на экологически безопасные, новые суперсчётчики учета воды, бесплатный омолаживающий массаж вместе с лифтингом и еще много чего вплоть до манны небесной. На трезвон телефона наслось шипение убежавшего кофе, и на кухне резко запахло горелым. Так, отключить плиту и убрать турку, отпустить вырывающегося, обиженного в очередной раз Бармалея и взять телефонную трубку.

– Алло! Варь! Привет! Это я! Узнала?! – затарахтел радостный голос в трубке.

Ну, конечно, она узнала. Лучшая подружка, с первого курса мединститута вместе. Это был единственный голос, который Варвара могла и хотела сегодня услышать.

– Привет, Оль, конечно, узнала, – ответила Варвара, одновременно стараясь привести в порядок залитую плиту.

– Ты не спишь? А что так долго не подходила? – Ольга не дожидалась ответов. – Слушай, я сейчас в соседнем подъезде. Участки расширили, представляешь? – Варвара кивнула головой, будто на другом конце провода ее могли видеть. – У меня последний вызов. Я могу к тебе зайти, ты одна?

– С Бармалеем, – кое-как вставила Варвара.

– Отлично, а то давно не виделись. Кстати, твоя мобила не в доступе. Все, бегу к тебе. – У меня батарея села, – уже в гудки произнесла Варвара и, положив трубку добавила, – а еще и лифт не работает.

До прихода подруги она успела выдраить плиту, поставить новый кофе и наделать бутербродов. Раздавшийся звонок в дверь не застал ее врасплох.

– О, сразу видно, что с дежурства, – запричитала Ольга, ураганом ворвавшись на кухню, – под глазами чернота, как у трагических актрис в немом кинематографе, а цвет лица синезеленый, как у голливудских зомби. А чего нос красный и глаза опухли? Ты что, плакала? А халат чего рваный? А чего ты не сказала, что лифт сломан? Хотя я бы все равно зашла.

– Халат только что Бармалей порвал, случайно, – Варвара успела в последний момент подхватить турку, над которой уже опасной шапкой вздыбился кофе, – Оль, сядь и переведи дыхание, а то у меня в голове сейчас мозг взорвется.

Та тут же рухнула на ближайший стул и нырнула в свою необъятных размеров сумку.

– А я не с пустыми руками. Представляешь, – продолжала она откуда-то из-под стола, – в кои-то веки бутылку коньяка подарили, и не просто коньяка, а «Курвуазье»! Франция! – И с гордостью выставила коробку на стол. – Смотри, ты готова к приему сего напитка?

– Ты даже не представляешь, как я к этому готова, – доставая бокалы, произнесла Варвара, – и не смотри на их размеры, скоро ты пожалеешь, что у меня нет граненых стаканов.

– Варя, ты меня интригуешь, – заинтересовалась Ольга при этом торжественно извлекла из коробки бутылку и открыла ее, – но после серпентария в моей поликлинике ты вряд ли чем-нибудь меня удивишь. – Взяв в одну руку бутерброд с сыром, а в другую бокал с коньяком, она вальяжно закинула ногу на ногу. – Ну давай, подруга, удивляй.

– Во-первых я бесплодна, – выдохнула Варвара, – это сказала Татьяна с нашей гинекологии. Во-вторых, сегодня меня вызвал главный, долго распинался, какой я хороший врач, а потом предложил уволиться по собственному желанию. Клинике нужны новые, молодые врачи, а у нас на отделении или беременные, или многодетные с маленькими детьми, или предпенсионный возраст, или кто-то суперзаслуженный. Поэтому к первому сентября я должна самостоятельно уйти или буду «вынуждена» это сделать. Ну, потом были разные мелочи типа стычки с заведующим... и последнее: я сегодня преднамеренно убила человека.

Ольга поперхнувшись, и зайдясь кашлем, еле смогла выдать из себя, – прости, что ты сказала?

– Я сегодня преднамеренно убила человека, – членораздельно произнесла Варвара, – он пытался изнасиловать двенадцатилетнюю девочку, и я ударила его по голове бутылкой шампанского. Судя по всему, перелом основания черепа.

Варвара выпила залпом коньяк и, стянув с головы влажное полотенце, вытерла им лицо.

– Ты посиди, съешь чего-нибудь, а я пойду халат переодену, а то в рванье как-то неловко себя чувствую.

– Заодно все-таки поищи стаканы, – произнесла Ольга внезапно охрипшим голосом. – Надо чаще видаться, а то как-то много информации сразу.

– В этом доме стаканов нет, – пропыхтела Варвара из комнаты, через голову натягивая длинную до колен футболку с каким-то диким футуристическим рисунком на животе.

Бармалей, растянувшись на диване, с напряжением следил за каждым движением своей хозяйки. На бандитской мордахе был написан немой вопрос: есть ли у него шанс остаться на диване или стоит уже эмигрировать в кресло и громогласно оповестить весь мир о своей трудной судьбе? Подергивание кончика пушистого хвоста говорило о том, как стрессовая атмосфера в его душе все больше накалялась.

– Я не собираюсь занимать диван, – задумчиво произнесла Варвара, продолжая поиски каких-либо приемлемых легких штанов, – ты бы мог заметить, что у нас гости. О, нашла!

Это были старенькие, цвета хаки, бриджи. Между тем амплитуда движения хвоста значительно увеличилась, что свидетельствовало о восторге недоверия, вынесенном ей Бармалеем.

– Ой, можешь верить или не верить, а я пойду на кухню. Там Ольга и коньяк, – и, чуть помедлив, добавила, – или уже только Ольга, если она конечно, не успела весь выдуть, хотя грохота падающего тела я не слышала. А ты, Бармоша?

Бармалей всем своим видом показал, что на подхалимаж такого низкого качества он не купится, и гордо отвернулся к спинке дивана, хотя уши в напряжении почти сошлись на затылке.

Монодиалог был прерван звонком в дверь. Бармалей вздрогнул, но с места не сдвинулся, всем своим видом показывая, что это не дом, а проходной двор, – это во-первых, а во-вторых он все равно не уступит свое место под солнцем, то есть на диване.

Варвара судорожно стала натягивать на себя бриджи.

– Оль! Открой дверь!

– Это, что уже за тобой?! – Ольга осторожно двигалась по коридору, стараясь не растянуться на скользком ламинате. Услышанные новости и внеочередной бокал коньяка, выпитый без хозяйки квартиры, да еще и на голодный желудок (завтрак был очень давно, если конечно он вообще был, этого вспомнить она не могла и абсолютно не заморачивалась на эту тему), сделал свое дело, почти полностью нарушив ее чувство равновесия. Распахнув входную дверь, она мгновенно протрезвела. На лестничной площадке стояло несколько мужчин явно кавказской национальности.

– Варя, здесь какие-то грузины! – в Ольгином голосе прозвучала нотка паники.

– Мы чеченцы, – чуть посуровев, ответил один из них, стоящий чуть впереди остальных и явный лидер в этой тройке. От такой поправки Ольга попыталась незаметно сползти по стене на пол, но тут же была подхвачена и водружена на кухню на свое место.

– Меня зовут Ибрагим, – представился мужчина лет сорока, продолжая разговор, начатый в коридоре. Он говорил на чистом, пожалуй, слишком чистом русском языке, тщательно выговаривая слова и правильно выстраивая предложения.

– Ольга, – стараясь сдержать накатившую икоту, произнесла Оля и тут же уточнила: – Ольга Викторовна, подруга Варвары Семеновны и тоже врач.

– Приятно познакомиться, – продолжил Ибрагим, – судя по вашему состоянию, вы в курсе происходящих событий.

Ольга икнула: и даже не покраснела, на данный момент ей было не до хороших манер, ей было жутко страшно.

– Да, Ибрагим, она в курсе, – Варвара зашла на кухню и слышала окончание фразы.

Кухня была неприлично маленьких размеров. Чтобы все пришедшие одновременно могли в ней находиться, все, кроме Ольги (она сидела, всем своим видом показывая, что ни за какие сокровища мира не уступит свою табуретку), были вынуждены стоять и никто из присутствующих не обращал на это внимание. При появлении Варвары джигиты молча расступились. На их лицах было написано такое уважение, что она испытала чувство неловкости.

– Я точно убила его? – вопрос был мучительный, болезненный, страшный, но Варвара ни секунды не сомневалась, что ответ будет еще чудовищнее, – вы вызвали полицию?

– Мы не вызвали полицию, – не дрогнувшим голосом ответил Ибрагим, его лицо при этом оставалось совершенно спокойным, как будто он говорил об обыденных, не заслуживающих серьезного внимания вещах, – и ты, сестра, действительно убила его. Он заслужил более страшной смерти, и ему с тобой просто повезло.

Монолог был прерван громким иком Ольги, и ей тут же протянули полный бокал коньяка. Она выпила его одним залпом, даже не поморщившись (со стороны это выглядело так, будто пить коньяк в таких дозах для нее обыденное дело) и потянулась за бутербродом.

– Такой благородный напиток не закусывают «Докторской» колбасой, – не меняя тона и не показав признаков даже малейшего удивления, продолжил Ибрагим.

– Да, но это лучше, чем кошачий корм, – как-то печально произнесла Ольга, – а у Вари больше ничего съестного дома нет. Правда, вот еще сыр, но он какой-то совсем несъедобный.

– Мы видели, что у нее в сумках, – Ибрагим кивнул своим «братьям», – и мы взяли на себя смелость кое-что добавить к вашему столу. – Пока его соотечественники опустошали принесенные пакеты, Ибрагим продолжал: – В подвале уже все убрали, тело сейчас везут за город, где его и найдет полиция, а может, и не найдет. Смотря как искать будут и будут ли искать вообще. Мы сейчас уйдем и не будем вас беспокоить. Я оставлю тебе, сестра, свою визитку, чтобы ни случилось в твоей жизни, нет такой проблемы, которую мы не решим для тебя. Ты очень сильная женщина, но больше, пожалуйста, никому ничего не рассказывай. Варвара, как замороженная кивнула головой. Ольга в этот момент очень напоминала пьяненького Петруху из фильма «Белое солнце пустыни», слегка покачивалась и умиротворенно улыбалась.

– Это я вовремя зашла, – вдруг изрекла она, глядя на увеличивающуюся на столе гору деликатесов. – Пир Лукулла.

Они ушли из квартиры так же тихо, как и вошли в нее. Ольга, на удивление стремительно оказавшись у входной двери, быстро закрыла ее на все замки и даже цепочку накинула, ровным шагом вернулась на кухню.

– Там, в коридоре, еще огромное ведро с розами стоит.

Варвара снова кивнула головой.

– Я жутко хочу есть, я просто очень хочу есть.

– Сначала давай еще по глоточку, – предложила Ольга, одновременно наполняя бокалы, – а то меня совсем не берет. И почему ты им не сказала, что главный тебя выживает из клиники? Надо ковать железо, пока оно горячо.

– Оль, ты что, хочешь, чтобы нашего главного врача нашли рядом с этим педофилом? Я, конечно, кровожадна, но в разумных пределах. И еще мне почему-то кажется, что педофила, или то, что там от него осталось, никто и никогда не найдет.

– Извини, не подумала, что здесь вопросы решаются так радикально, – уже с полным ртом пропыхтела Ольга и потянулась за новой порцией копченого мяса. – Копченое мясо лучше, конечно под водочку, но у нас не Версаль, и всяко лучше, чем «Докторская». О, а здесь в термопакете что-то горячее... Шашлык!!! Это просто вау!!! Сейчас, как верблюд наемся на две недели вперед. Слушай, подруга, а ты чего не ешь? Ты же говорила, что голодная...

– Не могу, – Варвара сглотнула подступившую тошноту, – даже смотреть на еду не могу. Все вдруг перед глазами всплыло... Господи, как люди могут убивать друг друга... Самой жить не хочется!

– Это был не человек, даже не животное. И хватит заниматься черт-те чем. Этот гад получил по заслугам. Ты меня извини, Варь, ужасно, когда у тебя пациент на столе погибает и ты ничего не можешь сделать. Хотя ты прекрасно знаешь, что ты не Господь Бог и даже не его правая рука. И потом, вспомни о той девчужке, что она пережила и что ей еще предстояло бы пережить, если бы ты не подросла. Кстати, моей Машке уже двенадцать, так моя мама до

сих пор ее провожает и встречает из школы. Поэтому хватит из меня выжимать слезу, а давай еще по глоточку и перекуси.

– По глоточку, – с сарказмом произнесла Варвара, – почти бутылку коньяка выпили и ни в одном глазу. А как Машундиль? Как мама?

– Машка молодец, учится хорошо, мама, по возможности, держится, – Ольга повела плечом, – но ты же сама понимаешь, возраст.

Варвара согласно кивнула.

– А насчет того, что мы с тобой трезвые, так адреналин все перебивает, – со знанием дела продолжала Ольга, при этом не переставая жевать, – но алкоголь еще свое возьмет. И пока он не взял, давай все это съедобное богатство запихнем в холодильник и я, пока еще вменяемая, вызову себе такси. А завтра...

– Завтра, рано утром, я еду на дачу, – как-то незаметно набивая какой-то вкуснятиной себе рот, прошамкала Варвара. – Тете Зине надо лекарства отвезти. Поэтому весь этот продуктовый набор мы не будем складывать в холодильник, а ты его возьмешь для Маши с мамой.

– Только половину, – согласно кивнула Ольга, – а насчет дачи – это отличная мысль. А я тебе, пожалуй, выпишу больничный, чтобы ты чуть передохнула от своих приключений и приняла хоть относительно человеческий вид. Давай свой паспорт, и пока я буду оформлять тебе активный вызов с высокой температурой, ты мне расскажешь, откуда здесь взялись эти чеченцы.

– Оль, я сама толком не поняла, – произнесла Варвара, доставая документы и между тем не переставая жевать. – У них здесь какой-то крутой бизнес.

– Кто бы сомневался, – что-то царапая на клочке бумаги, с сарказмом пробормотала Ольга.

– Ты пиши, пиши, не отвлекайся, – пресекла Варвара на корню комментарии Ольги и продолжила: – Ну, я не в курсе, чем они занимаются, и честно, могу признаться, в данной ситуации меня это совсем не интересует. У них в пригороде достраивается дом, а здесь они сняли квартиру для нескольких женщин из их семьи, так как рядом какая-то элитная женская гимназия, которую эта девочка посещает с первого класса. Ее раньше возили почти из центра города, они там снимали квартиру, а потом там что-то не срослось, и они на пару месяцев переехали сюда. Девочку всегда провожали туда и после окончания занятий встречали у выхода из здания гимназии, а сегодня детей отпустили на полчаса раньше, и она проявила самостоятельность, одна пошла домой. Ну, а дальше все и понеслось... Да, Оль, ты кстати, при гостях была никакущая, а сейчас как стеклышко...

– Я тогда от страха поехала, – Ольга сложила все свои бумаги и упрятала их в необъятный докторский портфель, – сначала ты меня загрузила своими новостями, а через минуту здесь «тридцать три горячих кавказских богатыря» нарисовались. У меня вообще первая мысль была, что ты кого из их диаспоры грохнула и они пришли разбираться. Потом, когда поняла, что они из нас шашлык-машлык делать не собираются, чуть успокоилась, ну, головушка и поехала, а когда они за дверь, ты в истерику, у меня надпочечники снова активизировались и адреналин так нежно коньячок и накрыл. Все элементарно, друг мой ситный. Так, пока они, эти самые надпочечники, окончательно не сдохли и я еще помню свой адрес, я поехала. Только сначала такси вызову и на «посошок». Варенька, ты молодец, ты даже не представляешь, какая ты молодец, и я тебя люблю и очень уважаю. Не думай, что я пьяная, пьяная, но чуть-чуть. Слушай, машину обещали подать через пять минут, я потихоньку поползу на первый этаж. Давай обнимашки-целовашки.

– Давай я тебя провожу, – робко предложила Варвара, – потому что мне сейчас кажется, что ты вовсе не чуть-чуть.

Продолжая разговор уже в коридоре, Ольга чуть не наступила на развалившегося на полу Бармалея. Он всем своим видом показывал высочайшую степень вселенского кошачьего стра-

дания. Кто бы мог подумать, что на него, Мурлокатана Великого, никто не обращает внимание. Более того, его только что просто чуть не растоптали. По всему было видно, что оставалось жить бедному коту, то есть ему, считанные минуты и эти минуты будут преисполнены невероятных мучений.

– Даже не надейся, мне только спускаться, и я еще в состоянии это сделать, – Ольга, переступив через распростертое «тело» и чуть качнувшись, гордо вскинула подбородок, стукнула кулаком себя в грудь, – а тебе придется потом подниматься вверх. Ой, посмотри, как у меня отекли ноги, я в туфли не влезаю.

– Попробуй левую туфлю надеть на левую ногу, а правую на правую, а не наоборот, – съехидничала Варвара и, поставив огромный пакет с собранной провизией на пол, подхватила страдающего коту на руки, – это так, к слову: трезвость – норма жизни.

– Варвара, не будь мелочной и положи этого зацелованного тушкана на место, он уже и так больше тебя, – с легкой надменностью произнесла Ольга, но обувь все-таки передела. – И еще, если тебе, конечно, интересно мое мнение, твоя Таня с гинекологии, думаю, неправа насчет твоего бесплодия...

– Она просто озвучила результаты анализов...

– Не перебивай меня, – Ольга погрозила Варваре пальцем, – а то я мысль теряю. Ты, кстати, перед тем как обследоваться, озвучила, когда у тебя последний раз были близкие контакты с противоположным полом? Можешь не произносить эту страшную цифру. Ведь это даже не месяцы, это гоооды!!! – Ольга повисла на дверной ручке и стала ее дергать во все возможные и невозможные стороны.

– Если ты поставила перед собой цель вырвать эту несчастную ручку с «мясом» или сорвать с петель дверь, – прокомментировала Варвара неравный бой Ольги с входной дверью, – то ты практически близка к этому. Кстати, а заодно опытом своей «богатой» личной жизни поделиться не хочешь? Отдай ручку, сказала.

Варвара наконец завладела подходом к двери и распахнула ее. На лестничной площадке стояли те двое в «похоронных костюмах» от кутюр, которые несколько часов до этого торжественно на руках доставили ее домой.

– Лифт по-прежнему не работает, – произнес «старший брат», – и мы решили, что вашей подруге будет немного сложно спускаться в таком состоянии.

– Это в каком это таком? – сразу влетела в штопор Ольга.

– Я имел в виду, – «старший» ни на секунду не смутился, – стрессовое состояние после всей полученной вами информации.

Ольга кивнула головой, милостиво приняв эту версию.

– Сегодня столько всего неожиданного, – она старалась максимально четко выговаривать слова и, зацепившись ногой за придверный коврик, буквально рухнула в объятия «старшего брата». От внезапности произошедшего Варвара выронила из рук кота, который от такой «нелюбезности» издал душераздирающее мяуканье.

– Ольча, держись, – произнесла Варвара, поняв, что жизнь подруги вне опасности, и добавила. – Неожиданности для тебя еще не закончились.

Она не успела договорить, а «старший» уже подхватил Ольгу на руки и быстрым шагом, почти бегом стал спускаться вниз.

– Это не похищение! – успела успокаивающе прокричать Варвара в стремительно удаляющуюся спину. Даже если она это и услышала, то, судя по дикому испугу на лице подруги, на мгновение показавшемуся из-за широкого плеча джигита, эти слова не произвели успокаивающего эффекта.

– Ой, подождите, – она успела схватить «младшего» за руку, – тут еще ее пакет, его надо обязательно взять.

– Твой друг, сестра, – гордо вскинув небритый подбородок, ответил «младший брат», – наш друг, и она не будет нуждаться.

– Простите, а Ибрагим знает? – поинтересовалась Варвара.

– Это он приказал, – ответил «младший», – все уже сложено в машину.

– В такси?

– Нет, – он наконец улыбнулся. – Зачем в такси, в хорошую машину. «Младший брат» горячо пожал ее руку и почти бегом стал спускаться вниз.

– Да, – сказала Варвара, вспоминая выражение лица подруженции и продолжая разговор сама с собой, – практики передвижения на мужских руках у Ольги тоже нет, видно, последний раз на руках ее носили где-то в прошлом веке. Зато на первом этаже она будет уже совершенно трезвая. Следовательно, в любом положении можно найти свои плюсы, и это не может не радовать.

Варвара посмотрела в лестничный пролет, они продолжали двигаться в том же хорошем темпе и уже были близки к финишу.

В квартире Варвару ждал Бармалей. «Ты погрязла, во всех мыслимых и не мыслимых пороках, – большими буквами были написаны на его мордахе, – я разочарован». Повернувшись к ней своей филейной частью и задрвав хвост трубой, он гордо продефилировал в комнату.

– Не устраивайся там на диване, я скоро приду, – вдогонку ему сообщила Варвара, но кот на это ответил холодным равнодушием.

Ночь стала адом. Несмотря на то, что она больше двух суток провела на ногах, пережитое не отпускало. Сон походил на горячечный бред. Варвара то впадала в забытие, то от проносящихся в воспаленном мозгу видений вскакивала, обливаясь холодным потом, чтобы потом снова, как в омут, провалиться в никуда. Вокруг темнота и пронизывающий холод, огромная лысая голова с лоснящимся загривком медленно разворачивается к ней с каким-то страшным, нечеловеческим лицом, а в ее руке тяжелая, очень тяжелая бутылка, которую она никак не может поднять, чтобы обрушить ее на это чудовище. Она никак не может поднять эту чертову бутылку. Почему она такая тяжелая? До боли затекла рука, а ей надо обязательно поднять бутылку и ударить, еще немного, и он полностью повернется, и тогда конец, ей конец... Варвара громко закричала и проснулась. На руке, навалившись всей своей массой, спал Бармалей.

– Ты чуть до инфаркта меня не довел, – сдавленным голосом просипела Варвара и, неделикатно спихнув с себя этот мохнатый «чемодан», встала. Бармалей недовольно муркнул и свернулся клубком, продолжая наблюдать за хозяйкой пиратским глазом. После минувшего дня, судя по всему, от нее можно ожидать все, что угодно.

– Знаешь что, Бармалей, – обратилась Варвара к нему, – а давай-ка сейчас поедем на дачу. Два часа ночи, на улице достаточно светло, все-таки начинаются белые ночи – это прекрасно. Уже суббота, значит, на дорогах будет более-менее спокойно, за три-четыре часа доедем незаметно. Зато утром будем на даче, тетя Зина нам будет рада. Так что давай, Бармошенька, не делай вид, что не слышишь.

Такой сон – «отдых» взбодрил ее больше, чем душ и кофе, но одно не исключало другого. Все решено, едем. За полчаса все необходимое было распихано по сумкам. Упирающийся Бармалей водружен в ящик переноску. Недоеденный шашлык и другие мясные, рыбные, сырные деликатесы разложены по специальным пищевым контейнерам и аккуратно сложены в огромный пакет.

– Так, еда пойдет на переднее сидение, – вслух размышляла Варвара, – ты, Бармалей, на заднее, а все остальное в багажник. С первого раза все не унесу, Бармоша, не обижайся, но ты со своим весом в последнюю очередь.

Бармалей в ответ тактично промолчал: мол, ему и так давно было ясно, что в этом доме он на последнем месте, и другого он от нее и не ожидал.

Как ни странно, лифт работал. Видно, бабульки, живущие выше второго этажа и не выехавшие на дачи, максимально ускорили процесс восстановления двигательной активности изобретения Отиса. Процесс погружения в лифт, а затем в машину сопровождался монотонным подвыванием особи, коей вменялось снимать стрессы и обеспечивать ближних положительными эмоциями. Звуки страданий кота звонким эхом разносились по пустым улицам ночного города.

– Слушай, чудовище, – недобро прошипела Варвара, – ты сейчас весь район разбудишь.

«Чудовище» чуть помолчало, переводя дух, а затем продолжило, но заметно повысив тональность. Кое-как затолкав коробку с котом в машину, она вытащила из пакета с едой контейнер с красной рыбой и засунула ему в коробку пару ломтиков. Воцарилось молчание, затем весьма неинтеллигентное чавканье и в итоге довольное утробное мурчание.

– Гурман, – констатировала Варвара, – но ты не очень к этому привыкай. Скоро вернемся к кошачьему корму, а в сентябре останусь без работы, и вовсе на овсянку перейдем, сэр, причем не только ты, но и я. Но до сентября еще три месяца, а там или я сдохну, или ишак сдохнет или султан – кажется так говорил Ходжа Насреддин. Поэтому побольше оптимизма, Бармоша! И, назло врагам, будем жить долго и счастливо, и «нехай они все удавятся», как говорит наша тетя Зина. А выедем из города, выпущу тебя из этой коробки.

Бармолей тяжело вздохнул – мол, плавали, знаем, не первый раз безвинно страдаю. Варвара приоткрыла дверцу его «каземата» и почесала кота за ухом, но, судя по обиженному виду, прощения не получила.

Забыв, что дядя Миша что-то там нахимичил с двигателем, она по привычке с обычным усилием нажала на педали сцепления и газа. Машина с места рванула в карьер так, что ящик с Бармалеем едва не свалился с заднего сиденья.

– Все, все, главное – спокойствие, – для кота и больше для себя произнесла Варвара, – я все вспомнила. У меня теперь гоночный автомобиль для гонок «Формулы – 1», надо только к этому немного приспособиться и обязательно пристегнуться. Да, а что там дядя Миша говорил про спидометр? Кажется, он не очень совпадает с истинной скоростью автомобиля. Значит, с педалью газа не усердствовать, и все получится. Двигатель ровно заурчал, машина выровнялась, Варвара включила музыку, и они двинулись в путь.

Приемник надрывался голосом Меладзе, который вещал о трудной жизни «девушки из высшего общества». – Да, на фоне их «тяжелой жизни» детдомовским детям можно просто позавидовать, – зло прокомментировала Варвара, – вот уж кому повезло по жизни.

Езда не доставила ей радости. Уже через несколько часов она почувствовала, как устала. У нее затекли шея, плечи, спина, а особенно поясница и все, что ниже. Пара остановок, которые она себе позволила, чтобы хотя бы немного размяться, кардинально не улучшили общего состояния мышц, особенно тазобедренной группы.

– Мы проехали больше двухсот километров, – сообщила она Бармалею, который во сне «мужественно» переносил все тягости пути. Слишком много стрессов, слишком много – говорило, просто кричало в голос все его мохнатое существо, распластанное по заднему сидению машины.

– Бармоша, а мы с тобой ничего не забыли? – спросила она у кота, и вдруг ее осенило. – Телефон, я оставила на зарядке телефон! Так, теперь главное – не впадать в истерику. Вопрос: зачем он мне на даче? Ответ: он мне там не нужен.

Еще вчера она сделала все необходимые звонки. Ольга сама ей перезвонила и довольно сообщила, что домой добралась и у нее все хорошо, и знает, что я буду на даче, а здесь телефон не везде хорошо ловит. Тете Зине позвонила и предупредила, что приеду и все привезу. Ивана Федоровича предупредила, что заболела и есть больничный. Заведующий был холоден и до тошноты вежлив. По его тону было ясно и понятно, что ее болезнь он воспринял с плохо скрываемым довольством... Поэтому забытый дома мобильник можно не воспринимать как

трагедию. Обходились же раньше не только без мобильных, но даже без стационарных телефонов, и ничего, выжили... Но, несмотря на разумность приведенных доводов, на душе было скверно. Хорошо хоть у тети Зины, у единственной в деревне, был стационарный кабельный домашний телефон, который давал возможность поддерживать связь с внешним миром.

– Еще километров пять, – уже вслух продолжила Варвара, не обращая внимания на то, что единственная живая душа, находящаяся с ней в машине, по прежнему ее игнорирует, – и мы с тобой, Бормоша, на месте, но ты не расстраивайся, ведь мы с тобой знаем более короткую дорогу. Еще чуть-чуть, и мы свернем на боковую дорогу; она, правда, не такая комфортная, как шоссе, но у нас новая ходовая часть, да и кузов дядя Миша хорошо приподнял, теперь наша «копеечка» – почти внедорожник. Эдакий советский «газик» шестидесятых годов, хотя нет, судя по двигателю и комфорту в салоне, опять спасибо дяде Мише, это скорее такой «Ленд круизер» в миниатюре. Так, сейчас первый поворот направо, а затем главное – не проехать мимо съезда на «тайную» дорожку...

Огромная блестящая машина, черной лентой стелющаяся по дороге, на бешеной скорости почти впритирку «подрезала» ее «Копейку» слева и ушла на правый поворот. От неожиданности Варвара дико взвизгнула, резко нажала на тормоз и, несмотря на ремень безопасности, едва не вылетела в лобовое стекло.

– Дебил ненормальный, – наконец смогла она выдохнуть, – Бармалей, ты жив? Варвара оглянулась назад. Бармалей с ошарашенным видом сидел на полу, с недоумением глядя на хозяйку.

– Ну, жив, и хорошо, через каких-то пятнадцать – двадцать минут будем дома. Во всяком случае, будем на это надеяться, если еще какой-нибудь малахольный не объявится.

Повернув ключ в замке зажигания, она плавно тронулась с места. Медленно, внутри нее все еще потряхивало от произошедшего, Варвара свернула с главной дороги. В обозримой дали до самого горизонта не было видно ни одной машины.

– Надеюсь, этот псих на «Ламборгини» не свернул на мою грунтовку, – задумчиво произнесла Варвара, поворачивая руль влево и съезжая на прячущуюся в кустах и уходящую в лес еле заметную проселочную дорогу. – Если да, то так ему и надо, и значит, скоро мы его увидим. Бармоша, если ты еще не видел черный «Ламборгини», то, вероятно, скоро ты восполнишь этот пробел в своем кругозоре.

Так, болтая с котом, она мягко, почти нежно вела машину, поворачивая то вправо, то влево, петляя по извилистой дороге между деревьями и зарослями кустарников.

Этой дорогой пользовались редко и только старожилы. Она была узкой и неудобной из-за частых поворотов, что делало практически невозможным разъехаться с встречной машиной, и кому-то из двух приходилось давать задний ход до ближайшей прогалины, чтобы разминуться, но зато в разы сокращала путь к старой полуразрушенной деревеньке, где и была ее дача.

Вообще это был настоящий деревенский дом, где была даже самая настоящая русская печка. Варвара редко ее топила, летом в этом не было нужды, а поздней осенью и зимой она здесь практически не бывала из-за плохого, почти непроходимого участка дороги, ведущего непосредственно к деревне. Хотя в ближайшем будущем эту ситуацию обещали кардинально изменить. В самой деревушке было восемь жилых домов, где жили круглый год, и еще шесть – восемь домов, куда некоторые приезжали с друзьями только на «шашлычные» выходные. Эти дома были сразу узнаваемы по покосившимся крышам, слепым, давно не мытым окнам со ставнями, которые если еще и были на месте, то держались на последнем дыхании, по участкам, где бурно, со всей своей здоровой мощью разрастались лопухи, чертополох и другая сорняковая растительность – истинная находка для любителей экзотической ботаники. Были дома более-менее ухоженные, туда приезжали целыми семьями, иногда только на выходные или на время отпуска, а были и такие, что, приехав на майские праздники, оставались до поздней осени.

В деревеньке были электричество и водопровод, которые провели в прошлом году, и даже маленький магазинчик, предлагавший небогатый ассортимент бакалейных и продуктовых товаров. Обеспечение умирающей деревни благами цивилизации было не жестом доброй воли областной администрации, просто участки с проведенными коммуникациями стоили значительно дороже. Старожилы, в том числе и тетю Зину, доживающих свой век в этих домах, пока не трогали, но элитные поселки с высоченными вычурными оградами, из-за которых иногда чуть-чуть были видны верхние этажи загородных дворцов, а иногда и вовсе только небольшой участок крыши, все ближе и ближе подбирались к их деревушке.

Все произошло одновременно: она увидела зад «Ламборгини» и падающее с оглушительным треском прямо на капот ее машины огромное дерево. В одну секунду педаль тормоза была со всей возможной силой вжата в пол, при этом тормозной диск и колодки издали жуткий визг, ее машина остановилась буквально в миллиметре от заднего бампера элитной иномарки, дальше переключатель скоростей – сцепление – газ – задний ход – тормоз и остановка. Дерево легло ровно между машинами. Зубы Варвары предательски стукнули, она с трудом разжала пальцы и отпустила руль. Ее спасла извилистая дорога, вынудившая ехать с очень маленькой скоростью, и реакция врача, ориентированного на экстренные ситуации.

Она открыла дверцу и полной грудью вдохнула ворвавшийся в машину живительный лесной воздух. То, что происходило дальше, показалось продолжением ее ночного кошмара. Через поваленное дерево, торопясь, перелезал огромных размеров мужчина. У него авария и кто-то пострадал, мелькнуло у Варвары в голове, – им нужна срочная помощь. Она выскочила из машины и, захлопнув дверцу, рванулась к нему навстречу – и тут же, получив сильный удар в плечо, как подкошенная, рухнула на обочину. Все происходящее сопровождалось какими-то странными приглушенными хлопками, как будто на дереве кто-то методично отламывал маленькие веточки. Мужик, размером с гризли, упал на нее сверху. «Все, мне конец, – молнией пронеслось в ее голове, – он меня сейчас расплющит». Но он, прижав ее к себе одной рукой и оттолкнувшись от земли другой, вместе с ней кубарем скатился в боковой овраг, которые тянулись по обеим сторонам дороги. И только катясь кувырком по склону и оказавшись на дне оврага, она подумала, что дерево упало не само собой и не просто так, а эти странные непрекращающиеся хлопки никак не связаны с самим деревом. Вокруг, с каждым хлопком, вскипали фонтанчики из прошлогодних листьев. Это была стрельба.

– По нам стреляют, – с трудом смогла проговорить Варвара, – по нам стреляют!!!

– Да, – прохрипел «Гризли», – и если бежать будем быстро, может быть, выживем.

– Обнадеживает, – произнесла Варвара, вставая на четвереньки и пытаясь принять вертикальное положение. Очередная порция выстрелов придавала ей значительное ускорение, и сильная боль ушибленных при падении всех мыслимых и немыслимых мест была ничтожной мелочью по сравнению с желанием жить. Он нажал ей своей огромной ладонью на затылок, согнув пополам так, что ее нос почти уткнулся в землю, а затем второй рукой с еще большей силой нажал на область поясницы, и у Варвары подогнулись ноги. Она была вынуждена вернуться практически в исходное положение, еще немного, и снова пришлось бы встать на четвереньки. Так они и побежали, не разбирая пути. «Гризли» был впереди, в таком же положении, как и она, то есть согнувшись в три погибели. Чтобы Варвара не отстала, он тащил ее за собой крепко, зажав в кулак полу ее ветровки.

– Куда, – задыхаясь от бега в неудобном положении и от страха, наконец спросила Варвара, – куда мы бежим?

– Не знаю, я не знаю этих мест...

Варвара резко остановилась. Он, продолжая двигаться, и с такой силой потянул за ее куртку, что Варвара, не удержавшись, крутанулась вокруг своей оси и вся куртка оказалась у него в руке. Почувствовав что-то не то, он тоже остановился и резко обернулся, с недоумением

рассматривая по отдельности то Варвару, то ее ветровку, крепко зажатую в своем кулаке. По отдельности, видно, они плохо воспринимались.

– Если вы не знаете этих мест, – переведя дыхание и уже спокойно спросила Варвара, – то куда мы все-таки бежим?

– Сейчас, – он говорил удивительно тихим, с небольшой хрипотцой и между тем очень сильным голосом, – как можно дальше от дороги и как можно дальше от тех, кто сначала хотел убить меня, а теперь и вас. Вы свидетель.

– Но я ничего не видела, – и она тут же поняла, что сморозила глупость.

– Вы хотите их здесь дождаться и сказать им это в лицо? – теперь он смотрел на нее с неподдельным интересом. – Конечно, желание женщины – закон, и вы можете оставаться, но, если вы не очень возражаете, я все же пойду дальше.

Они вдруг оба замолчали, потрясенные тем, что, кроме их голосов, других звуков не было. Вокруг было тихо, очень тихо. Выстрелы прекратились.

– Вы идете в глубь леса, – произнесла Варвара, – там настоящая непроходимая чащоба, а еще дальше топь, там не пройти. Я очень хорошо знаю эти места... – и чуть не добавила, что здесь прошло ее «партизанское» детство. Здесь, действительно, прошло ее детство. С соседскими мальчишками они часто играли в партизан, индейцев, кладоискателей, лазили на деревья, строили настоящие хижинки, выкапывали землянки. Это было замечательное время, далекое от взрослых забот. Но сейчас надо уходить, уходить быстро и тихо, потому что убийцы вряд ли останутся на дороге в ожидании, что жертвы вернуться к ним сами..

Варвара внимательно осмотрелась и, только по ей известным знакам, быстрым шагом двинулась именно в сторону густой чащи. Двигалась она легко и быстро. Все здесь было до боли знакомо. Вот еле заметная зарубка в виде английской буквы V, что означало Victory – победа. Ее перочинным ножом оставил Сенька Кнопка, так прозванный за маленький рост и курносый нос. V было его знаком по жизни, слишком короткой жизни. Его зарезали в пьяной драке в «лихие» девяностые. Мишка Одуванчик со смешными толстыми щеками – погиб в Чечне во времена «становления демократии», Саша с Наташей так и остались вместе и, по слухам, неплохо живут в Канаде. Они все были «пятеркой отважных». Саша тогда любил говорить, что они всегда будут вместе, как пять пальцев на одной руке. А теперь... «одних уж нет, а те далече»...

Вдруг на ее плечи легла возвращенная ветровка и это отвлекло от грустных воспоминаний. Она благодарственно кивнула, но не обернулась и не сбавила шаг.

– Вы идете в глубь леса, хотя сами меня от этого предостерегали, – раздался его голос. – Где-то рядом есть деревня, может быть, лучше туда?

– Нет, – категорически мотнула головой Варвара, – там несколько стариков, которые нас не спасут, а так же, как и я стану свидетелями.

Внезапно чаща закончилась и они вышли на открытое место размером почти с футбольное поле, густо засыпанное щебнем и битым кирпичом. На его противоположном конце стояло шесть или семь полуразвалившихся сараев. Здесь раньше хранили сено, иногда дрова, а иногда летом даже оставляли скотину, а потом хранили старую технику, старую мебель, какие-то вещи, которые в тот момент были никому не нужны, а затем о них благополучно забыли, но это было давно, когда деревня была почти поселком городского типа.

Варвара обернулась и внимательно осмотрела своего спутника. Он был значительно выше ее и весь какой-то огромный, большая голова с высоким лбом венчала широкую шею, необъятные плечи переходили в широченную борцовскую грудь. Он не был толстым, он был просто очень большим. Возраст около пятидесяти, плюс-минус пару лет в любую сторону, рост где-то под сто восемьдесят пять – девяносто и вес сто – сто десять килограмм, не больше, прикинула она навскидку. Лицо с крупными и немного грубоватыми чертами было по-мужски интересным, причем даже очень интересным. И одет был дорого. Просто и очень дорого.

Ну, да, в «Ламборгини» в одежде из сэконд-хенда не ездят – она улыбнулась пришедшей мысли.

– Почему вы меня так рассматриваете, – вдруг буркнул «Гризли», внезапно насупившись, – и что нашли во мне смешного?

– Я прикидываю, на каких стропилах вас выдержит настил, – не смутившись, ответила Варвара и решительно двинулась к среднему по размеру и расположению сараюшке, который грозился самостоятельно, без посторонней помощи, буквально с минуты на минуту, завалиться набок. Видимо, единственное, что его удерживало от падения – это принятия окончательного решения, куда именно удобнее упасть. Выбор Варвары не вызвал видимого оптимизма у ее партнера по бегству.

– Послушай женщину и сделай наоборот, – пробурчал «Гризли» за ее спиной. – Вот тот, который рядом с ним, мне нравится больше, он кажется покрепче.

– Простите, вы что-то сказали? – Варвара прекрасно все расслышала, но очень хотелось, чтобы ей это сказали в лицо.

– Я говорю, что опасно долго находиться на открытом месте, – его голос зазвучал чуть громче, – и вот тот сарай у меня вызывает больше доверия.

– Там нет пола, – ответила Варвара, проследив за его рукой, – перекрытия и стропила сгнили напрочь, одни стены более-менее, которые неизвестно, на чем держатся, и ветхая крыша. Нам сюда.

Варвара подошла к неказистому строению, стоящему вроде бы и посередине, и между тем небольшим особнячком от других. Чуть приоткрытые покосившиеся ворота намертво вросли в землю. Она протиснулась в щель между створками и вошла внутрь сарая.

– Постарайтесь пройти, не вывернув ни одной доски.

– Не знаю, насколько это возможно, – с сомнением произнес «Гризли», – но я очень постараюсь. И он действительно постарался. Сняв с себя одежду, он протянул ее Варваре через зазор в воротах.

– Отвернитесь, – у него это получилось немного грубо, но Варвара поняла, что дело дошло до нижнего белья, и демонстративно повернулась к нему спиной. Возле ее ног тут же приземлились мужские трусы. Она деликатно на полшага отодвинулась и уставилась в потолок.

Варвара хорошо знала этот сарай. Наружная его часть была очень обманчива. Внутри он был один из самых крепких. Стропила потемнели от времени, но, сделанные на совесть из хорошего дерева, и могли еще долго просуществовать, балки перекрытия были сделаны из старого дуба и на них лежали большие кучи сена. Наверх вела приставленная деревянная лестница. В углах сарая для укрепления крыши, как толстые колонны, стояли дубовые бревна. Варвара помнила, как их сосед по даче, мухоморного вида и такого же характера старикашка, ремонтировал этот сарай. Начал с прохудившейся крыши и делал все по совести, для себя, но когда сделал крышу, от старости и под тяжестью новых стропил и перекрытий начали оседать стены. Тогда он поставил эти опорные «колонны», и тут «поехал» фундамент. «Мухомор» не выдержал насмешек односельчан, что начал ремонт с крыши, а не с фундамента, бросил свою «стройку века», и постепенно о ней все стали забывать, кроме детей, которые превратили этот сарай в свое тайное убежище. Затем дети выросли и разъехались, а оставшиеся старики понесли сюда старые вещи, признав, что постройка заслуживает доверия, но потом и они перестали сюда ходить. На полу теснились древние комоды, где не хватало ящиков, колченогие столы и стулья, шкафы с отломанными дверцами, диван с оборванной обивкой и торчащим во все стороны поролоном. Единственно, что здесь не вызвало доверия у Варвары, – это приставная лестница.

Она обернулась, чтобы озвучить свои сомнения, и обмерла. Абсолютно голый «Гризли», как-то частями просачивался в узкую щель между створами ворот. Вначале он просунул одну руку и плечо, затем с большой осторожностью голову и половину грудной клетки. Его тело

блестело от пота. Просунув вторую руку, он, опираясь на ближайшую створку, мягко втянул в сарай все тело и одну ногу. Варвара воровато отвернулась в надежде, что он не заметил, как она на него смотрела. Было жгуче стыдно. Кажется, она в ту минуту покраснела с пяток до макушки. Варвара опустила глаза и стала усиленно изучать носки своих мокасин.

– Позвольте мои вещи, – где-то над ней раздался его голос. Варвара, не оборачиваясь, протянула ему одежду и снова с тревогой посмотрела на лестницу: слишком хлипкий был у нее вид.

– Я могу уже повернуться? – спросила Варвара, медленно разворачиваясь к нему лицом. – Там... Она замерла на полуслове. Из-за его плеча, в щель между створками ворот было четко видно, как из леса вышли трое мужчин и быстрым шагом направились к их укрытию.

– Быстрее наверх, – прошептала она, и второй раз повторять не пришлось, он все понял. Первых нижних перекладин на лестнице не было, и он, подхватив ее, посадил почти на середине лестницы. Она попыталась подтянуться на руках, но сил было явно недостаточно, и вдруг ноги почувствовали твердую опору. Глянув вниз, Варвара обмерла, ее ноги стояли на его плечах. Почувствовав, что движение наверху замедлилось, он поднял голову и, увидев ее испуганное лицо, успокаивающе улыбнулся и показал рукой, что все хорошо и надо быстрее подниматься. Когда она оказалась наверху, то постаралась отползти подальше от края перекрытия, понимая, что помощи сейчас от нее никакой, главное – ему не мешать. Ее не удивило, когда над дубовой балкой показалась его голова: казалось, для этого человека нет ничего невозможного. Он натужно крикнул и, подтянувшись, оказался рядом с ней. Сено, на котором они лежали, было явно прошлогодним, и кто-то совсем недавно его перетряхнул. В дальнем углу были свалены деревянные автоматы и пистолеты, несколько лошадиных голов, выпиленных из фанеры и раскрашенных вручную, и еще куча каких-то игрушек. «Ну, конечно, летом к старикам приезжают внуки...», – подумала Варвара. – Надо будет, если, конечно, останусь жива, предупредить насчет лестницы».

Вдруг, забыв о мирском, она вся превратилась в оголённый нерв, прислушиваясь к нарастающему снаружи шуму гравия под шагами их преследователей. Они остановились почти рядом с сараем. «Гризли» накрыл горячей ладонью ее руку и тихо сжал холодные пальцы.

– Ну и куда дальше? – почти рядом раздался мужской, с выраженной сиплостью в голосе.

– Надо обшарить эти сараи. Они наверняка где-то здесь, – вступил второй голос, подвизгивающий, с истерической ноткой.

– Леха, ты полный придурок, – вновь заговорил первый, сипловатый голос, – ты только посмотри, здесь ворота уже вросли в землю, а в эту щель даже кошка не пролезет.

Чье-то плечо в кожаной куртке настойчиво попыталось протиснуться в их сарай.

Варвара взмокла в одно мгновение, «Гризли» тут же сжал ее пальцы так, что ей показалась, будто она чувствует, как крошатся их фаланги. – А этот Панкратов здоровый, как шкаф, он здесь ни в жизнь не пролезет...

– А давайте мы здесь все подпалим: если они там, то превратятся в барбекю...

– Оба заткнулись, – это был голос смерти, он был равнодушно холоден, без единого человеческого оттенка и не оставлял надежды. От этого голоса у Варвары от ужаса встали дыбом волосы. Это конец. Пусть лучше пристрелят, чем гореть заживо.

– Здесь VIP – зона и каждые полчаса летают «дроны», там на краю поля был предупреждающий знак, ты даже закурить не успеешь, и здесь будет ОМОН, МЧС, ФСБ или еще какая-нибудь хренотень, тут наверняка где-то рядом правительственные дачи, и мы, такие красавцы, как на ладони ...

– Не хрен было промахиваться с двух шагов, – взвизгнул фальцет. Последовал грохот, от которого содрогнулось все их убежище. Судя по стону, с «фальцетом» провели силовой воспитательный прием, то есть просто впечатали в ворота сарая.

– Я на тебя даже патроны тратить не буду, просто удавлю, – произнес равнодушно «мертвый голос».

– Мне сразу не понравилась эта идея с кодовыми звонками и ловушками, – заговорил «сиплый».

– Я сказал всем заткнуться... Наступила тягостная тишина, затем зашуршал гравий и снова долгая мучительная тишина.

Пот заливал глаза. Варвара перевернулась на спину и ладонью вытерла лицо. Никогда в жизни ей не было так страшно, как в прошедшие мгновения. Тело занемело то ли от страха, то ли от пронизывающего холода, идущего от влажной соломы. Раздавшийся шорох заставил ее широко распахнуть глаза.

– Очень испугалась, – не то вопросительно, не то утвердительно произнес он, склонившись над ней. Его дыхание обожгло ее палящим зноем так, что вдруг Варвара поняла – ей точно сегодня суждено сгореть на костре.

Он наклонился еще ниже и заглянул в ее глаза. Они были темно-зелеными, с золотистыми вкраплениями и с коричневым ободком вокруг радужки, они звали, притягивали и губили его, такого сильного и такого могущественного. Этот маленький курносый нос, покрытый такими смешными веснушками. Этот мокрый лоб с прилипшими к нему каштановыми волосами, ставшими от влаги темными. Эта шея, такая нежная и беззащитная, покрытая шелковой кожей, под которой билась, как будто стараясь вырваться на волю, тонкая жилка. Он захотел эту женщину с такой силой, что у него вспотели ладони, затылок, спина. Ему хотелось ее сломать, подмять под себя, причинить такую боль, чтобы она закричала от счастья бытия. Ее чуть приоткрытый рот с по-детски пухлыми губами чуть приоткрылся. Она хочет что-то сказать, а он этого не хотел. Варвара ничего не хотела говорить, она каждой своей клеточкой хотела испытать его силу, чтобы это произошло сейчас, немедленно. Нахлынувшее желание было таким необыкновенным, таким всепоглощающим, что в этот миг весь мир перестал для нее существовать. Но он не будет торопиться, он выпьет эту женщину по капле и до самого дна. Подсунув широченную ладонь под ее затылок, он медленно, наслаждаясь своей властью, приподнял ее голову и слегка коснулся ее губ своими губами. Она вся потянулась к нему, но он остановил, и опять было легкое касание, потом еще и еще, с каждым разом все сильнее и сильнее. Сначала он чуть прихватил ее верхнюю губу, затем нижнюю. Она пыталась выхватить у него все и сразу, как изголодавшийся путник, как о милости, ее рот просил поцелуя, и он поцеловал. Никогда в жизни ни одну женщину он так не целовал. Поцелуй был бесконечным. Он завел ее руки над головой, удерживая их своей ладонью, а другой рукой медленно раздевал ее, проникая ласками в самые сокровенные места. Ее власть будет потом, а сейчас он здесь царь и бог. Он наслаждался, видя, как ее захлестывает желание. И он добился ее крика, исполненного сладкой муки.

Так вот ты какое, счастье. Она лежала, облокотившись о его руку, которая, не переставая, гладила ее обнаженную спину, вторую он подложил себе под голову и внимательно рассматривал ее лицо, тело, и, как ни странно, ее это совсем не смущало. Варвара скользила пальцами по его лицу, глазам, легко, слегка коснулась губ, она не могла поверить, что он реален, и поэтому ей надо было, обязательно надо было дотронуться до него.

Он следил, как она сосредоточенно, чуть закусив губу, наверно, даже сама не заметив этого, изучала его. Когда пальчиком она коснулась его губ, он не выдержал и, прижав к губам всю ее ладошку целиком, и стал целовать ее терпко, долго. Затем резко перевернул Варвару на спину и с какой-то, просто неистовой голодной злобой впился в ее уже припухшие от его поцелуев губы. Все было обоюдно быстро и жестко, как будто они доживали на этом свете последние минуты. В последний момент он с силой прижал к себе эту теплую, необыкновенную, всю такую настоящую женщину, такую покорную и такую яростную, такую нежную и такую до грубости требовательную. Он – тот, кого, казалось, никто и ничто не могло удивить в этой жизни,

такого искушенного в отношениях с женщинами, взрослого, состоявшегося человека, самого сделавшего себя с нуля, прошедшего через огонь, воду и медные трубы. Он, настоящий пахарь по жизни, трудоголик до мозга костей, имеющий все и даже больше, чем все, только сейчас, обладая этой женщиной, понял, что был нищим. И вдруг, на этом сеновале, он стал богатым, как Крез, стал обладать миром. Его объятия едва не задушили ее, и она была готова умереть, только бы он не отпускал ее. Запустив руку в ее мокрые волосы и с силой зажав их в кулаке, он запрокинул ей голову и с остервенением от благодарности, переполнившей его, впился в ее полураскрытый рот и упал на спину, продолжая сжимать ее руку в своей ладони.

– Я еще здесь, – еле выдавила из себя Варвара, – или уже там?

– Ты здесь, и всегда будешь...

– Согласна, только можно хотя бы чуть-чуть одеться, а то солома очень спину колет.

Он хохотнул и склонился над ней.

– О, пожалуйста, пощади меня, властелин души моей, – дурашливо взмолилась Варвара, – а то твоя раба сейчас просто сдохнет.

«В принципе, это не так далеко от истины», – мелькнуло в ее голове.

– Боишься, – в тон ей прорычал он и вновь склонился над ней, – и правильно делаешь, Конопушка. – Затем снова хохотнул, чмокнул ее в нос и стал собирать разбросанные по сеновалу вещи.

– Ты чего так «сироту» пугаешь? Чуть зайкой не сделал, – Варвара старалась максимально оттянуть тот момент, когда нужно хотя бы сесть. Болело все, кажется, даже зубы. Она чувствовала, что начинает разваливаться, как «пазлы», а сейчас, и именно сейчас, очень хотелось выглядеть тонкой, звонкой и грациозной, как газель. Газель получалась, но какая-то полупарализованная. Он, с нескрываемым интересом и с видимым трудом подавляя накатывающий смех, наблюдал, как она безуспешно пытается собрать себя в единое целое.

– Лучше бы помог, – наконец не выдержала она и взмолилась, – чем там хихикать.

Не произнеся ни слова, он протянул руку и буквально выдернул ее из сена, да так, что она едва не перелетела через него. Если бы он ее вовремя не подхватил, она бы голая уже была где-то внизу между сломанным комодом и шкафом.

– Так, я все понял, – озабоченно хмыкнул он, осматривая ее со всех сторон, – у тебя все тело в синяках, завтра вообще не встанешь.

– Справлюсь, только сейчас мне помощи, пожалуйста.

Он молча кивнул и, помогая ей одеваться, не упускал момента поцеловать ей то плечо, то затылок, то колена, чуть дольше задержался, целуя ее живот.

– Жаль, больше времени нет, – произнес он, поднимая на нее глаза, затянувшиеся «нехорошим» туманом.

– ?

– К нам гости, – и взгляд его снова стал ясным. Она вздрогнула и обернулась. Сквозь щели между досками было четко видно, как из леса вышла большая группа спортивного вида мужчин, одетых в стиле «милитари». Они двигались быстро, постепенно выравниваясь в цепь.

– Не бойся, это..., – он чуть замаялся, подбирая нужное слово, – ну, можно сказать, что они мои друзья. Я очень хотел, чтобы они были здесь как можно быстрее, но это было в начале, а теперь я жалею о том, что они вообще приехали. – Он повернул к ней лицо, стараясь запомнить каждую ее черточку. Сейчас она чуть сдвинула брови и у нее появилась легкая морщинка тревоги.

– И не надейся, – странным, вдруг охрипшим голосом произнес он и, не собираясь объяснять сказанное, развернулся, захватил край дощатого настила и прыгнул вниз, секунду повисел на руках и оказался на земле.

– Прыгай, – произнес он, вытянув впереди себя руки.

– А нет более легкого способа от меня избавиться? – заныла Варвара, с ужасом представив себе их обоих лежащими с переломом позвоночника.

– Я сказал, прыгай! – рявкнул он, и она, зажмурившись от страха, рухнула вниз. Он принял ее на свою огромную грудь, чуть покачнулся, но устоял, чмокнул где-то выше уха и поставил на пол. Потом осмотрел ее со всех сторон, отряхнул и поправил одежду, привел, как ему показалась, в порядок прическу и, оставшись довольным результатом, двинулся к выходу.

– Сергей, я здесь! – прокричал он в затор между створками ворот. Они еле успели отскокить – несколькими мощными ударами ворота были выбиты напрочь. Он вышел первым, не обернувшись и не подав ей руки.

– Все разговоры потом, – произнес он, никому из «друзей» не дав открыть рот.

Впереди Варвары теперь шел совершенно чужой, незнакомый ей человек, даже его спина источала холод и отчужденность. Выбил дверь и вышел вон, правда, у Пушкина Гвидон выбил дно, а не дверь, но суть одна и та же. Варвара засунула руку в карманы джинсов, что, по ее мнению, было проявлением наивысшей степени независимости, и с выражением полнейшего равнодушия на лице двинулась за ним. Основная задача, думала она, не переиграть. Без излишней холодности, смущения, чувства неловкости. Ведь по сути ничего такого не произошло. Была стрессовая ситуация, угроза жизни. Фактически они чудом остались живы, потери нервных клеток компенсировали фантастическим сексом, во всяком случае, она получила удовольствие, а он... так это его проблемы.

– Эта женщина помогла мне остаться в живых, – произнес он и, не поворачиваясь, кивнул головой в ее сторону.

Хорошо хоть «малышом» не назвал, «солнышком», «киской» или еще как-нибудь, что у них там входит в стандартный набор «казановы» для дам без имени. До нее только сейчас дошло, что он даже не спросил, как ее зовут. Но если хорошо подумать, это даже хорошо. Никаких обязательств. А сейчас главное – не навернуться, споткнувшись о какую-нибудь доску, и без потерь добраться до машины.

– Ой, мамочки! Бармалей!!!, – это она уже произнесла вслух и неожиданно громко.

– Что?! – спросил «Гризли», неожиданно остановившись и чуть повернув голову. Не ожидая такой резкой остановки, Варвара со всего размаха врезалась лицом ему в спину, как раз между лопаток.

– Мой кот! У меня в машине кот остался, Бармалей!

– Не волнуйтесь, пожалуйста, он по-прежнему в машине, – произнес один из «миллитари», – жив и здоров. Только вы так не торопитесь, мы ваш «Жигуль» отогнали на шоссе, а то иначе было не справиться, дорога слишком узкая, не развернуться.

– Они подвезут вас, к вашей машине, – холодно произнес «Гризли», – если вам будет необходимо, один из них сядет за руль и доставит вашу машину по указанному вами адресу. Лицо его было тяжелым, чужим, из другого, недоступного для нее мира. Глаза смотрели на нее и не видели. Голос ровный, с хрипотцой, без эмоций, вежливый и равнодушный.

У Варвары все заледенело внутри, но почти пятнадцать лет практики в «пьяной травме», как называли коллеги их вторую хирургию, не прошли даром. Она сейчас стала почти его зеркальным отражением, только с учетом, что она все-таки женщина.

– Спасибо за предложение, – сказала она таким тоном, которым обычно разговаривала с тяжело больными, – не стоит беспокоиться, я достаточно самостоятельный человек.

– Если вдруг, вам понадобится помощь...

– Еще раз вынуждена поблагодарить вас за предложение, – также терпеливо и доброжелательно, но уже с легкой и чуть насмешливой улыбкой («больной» оказался не только тяжелым, но еще и капризным) произнесла Варвара, – но свои проблемы я решаю сама, а если мне и нужна бывает помощь, тогда я обращаюсь к своим самым близким друзьям. А теперь

прошу меня извинить, от пережитого у меня немного заболела голова и я бы хотела побыстрее попасть домой.

Он, не произнеся больше ни одного слова, чуть поклонился. Степень его холодного равнодушия упала до «абсолютного нуля». Она приложила максимум усилий, чтобы ее ответный кивок соответствовал «заданному температурному режиму», и быстрым шагом направилась подальше от этого места. И в последний момент, уже покидая «опасную зону», Варвара краем уха за своей спиной, услышала, как кто-то произнес, что рядом за сараем лежат два «огне-стрела»... . Это придало ей значительное ускорение, она больше ничего не хотела слышать, видеть и тем более знать... . Быстрее и подальше от этих людей с их бешеными деньгами, кровавыми разборками и дикой любовью. Если бы он ей сунул в карман сто долларов, наверно, это было бы для нее меньшим шоком, чем их так называемое прощание.

Варвара не поняла, как оказалась возле своей «Копейки».

– Может быть, я сяду за руль? – произнес стоявший рядом «миллитари». – У вас машина – зверь, хотя с виду не скажешь.

Она вздрогнула и, протянув руку вперед, выставила ладонь так, что между ними мгновенно возникла стена и, отрицательно качнув головой, сразу отмела прочь все дальнейшие предложения о помощи. Сев за руль, она даже не смогла поблагодарить их за то, что они выкатили ее машину. Не поблагодарила не потому, что не сочла нужным, а потому что не могла физически. Сейчас внутри болело так, что она не могла произнести ни слова. Захлопнув дверцу, Варвара сразу повернула ключ в замке зажигания и завела двигатель. С заднего сидения хрипло попытался о себе напомнить Бармалей, но, почувствовав своей «тонкой организацией» какое-то кардинальное изменение, свернулся клубочком и притаился.

Движение на трассе значительно активизировалось в обе стороны, но пробки еще не начали образовываться и Варвара быстро добралась к своей «фазенде». Загнав машину во двор и поставив под навес, она надела на сопротивляющегося кота противоблошный ошейник и выпихнула его во двор. Бармалей был готов остаться на всю жизнь в машине, лишь бы на него не надевали эту удавку. Но сейчас Варвару меньше всего волновали его желания.

Она затащила пакеты в дом. Спасибо тете Зине, приготовившей дом к ее приезду. Работаящий холодильник тут же был забит едой. В небольшой пристройке, рядом с домом был оборудован душ, бойлер нагрел воду, и Варвара тут же этим воспользовалась. Надо все смыть с себя: его запах, его поцелуи, и забыть, обязательно забыть, все забыть, а особенно последнее «и не надейся» и его равнодушный взгляд, он выжигал ее изнутри. После сегодняшней встречи вчерашний день ушел так далеко, как будто его никогда и не было. Но что должно произойти, чтобы забыть утро сегодняшнего дня? Наверное, только время. Да, только время, оно лечит почти все.

Как давно рядом нет мамы, а привыкнуть к этому она так и не смогла. До сих пор Варвара не может смотреть ту единственную кассету где мама еще живая. Если бы она была сейчас рядом, она бы ее поняла, обняла, утешила, и сразу все стало бы ясно и понятно. Варвара почувствовала, как сами собой покатались слезы, тут же смываемые колючими каплями дождя. Здесь ее никто не видит и никто не осудит, что она такая сильная, та, которая может найти выход из любой ситуации, а в действительности слабая и беспомощная... . А почему, собственно, она слабая и беспомощная? Варвара обтерла лицо. Да, действительно, а почему это она слабая? Голова и руки, на мести, кстати, очень неплохие голова и руки тоже, и все остальное тоже на уровне. Ну, может, характер подкачал, хотя был бы помягче, может, она тогда бы и не выжила.

Душ становился прохладнее – запас горячей воды заканчивался. Холодные струи действовали одновременно и бодряще, и успокаивающе, особенно на воспаленную кожу. Обмывшись махровой простыней, она пошла в дом и включила чайник, пока он закипал, соорудила себе завтрак, благо не надо было готовить, а только достать из холодильника и поставить

на стол. Затем собрала еще влажные волосы и стянула их на макушке резинкой. Женская хитрость: во-первых, волосы не мешают, а во-вторых, когда снимаешь через пару часов эту самую резинку, каре становится таким же пышным, как после укладки. Вот с таким пышным «фонтанчиком» на голове она была похожа на Чиполлино из сказки, а хвостик на макушке напоминал прорезающиеся стрелы лука.

Надев старенькие джинсы и свитер, она наконец уселась за стол. Пара бутербродов и чашка крепкого, пусть и растворимого кофе – это именно то, что сейчас ей так необходимо. Затем, когда все было убрано со стола и помыта посуда, из кладовой был извлечен старый и очень удобный шезлонг, он был водружен на свое коронное место, в угол открытой веранды, на него уложен старый шерстяной плед – все-таки на улице только май, теплые носки, ветровка и Франсуаза Саган в руках. Все, жизнь удалась, мысленно произнесла Варвара, усаживаясь поудобнее и укутавшись пледом, раскрыла книгу. Начинать действовать аспирин, который она приняла до завтрака, и ломота во всем теле потихоньку стала отступать, так же, как и какой-то нервический озноб, не перестававший ее колотить сразу после душа. Наверное, продолжать мыться уже холодной водой был явный перебор, зато синяки и ссадины стали значительно меньше болеть.

Бармалей рыскал по двору в поисках старых подруг и новых ощущений.

Как только она с максимальным комфортом устроилась в своем гнездышке, то тут же вспомнила, что забыла на столе музыкальный плеер.

– Бармалей, – на всякий случай позвала она кота, – ты не хочешь сделать доброе дело?

Кот не хотел. Варвара тяжело вздохнула и закрыла глаза: «Обойдусь без музыки».

– О, а я только на минуту в лабаз отошла, – раздался радостный голос тети Зины, – а она уже здесь в любимой позе и с книгой. Здравствуй, моя девочка! Ох, а что у тебя с лицом? Ты что, в пчелиный улей губами упала или ботокс накачала, они у тебя прямо как у Луи Армстронга в молодости. Это такой американский джазовый трубочник и певец, жил сто лет назад, так губища у него были точно такие, как у тебя сейчас.

– Я вас тоже, тетя Зин, очень рада видеть, – произнесла Варвара и постаралась потянуться, но, охнув от боли, тут же оставила эту идею, – и я знаю, кто такой Луи Армстронг.

С трудом выбравшись из пледа, она поцеловала подставленную щеку тети Зины, которая наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

– Пойдемте, я вам там много чего привезла. И спасибо за то, что дом подготовили, а то на работе меня так укатали...

– Да нет, девочка, – скептически прокомментировала тетя Зина свои наблюдения, – на работе так не «укатывают». Ты сейчас похожа на сытую кошку, лицо-то у тебя еще довольное, а вот в глазах уже появилась печалька. Видать не по себе дерево решила срубить. Варенька, детка, мальчиков-то надо любить со своей улыбки...

– Тетя Зин, в моей жизни сейчас есть только один мужчина, и это Бармалей...

– Ну да, ну да, только вот от тебя дорогим мужским парфюмом разит на километр, ты его и за неделю не отмоешь. Или ты уж и кота духами стала поливать? Ну да не хочешь, не говори, знать, не время для таких разговоров. А за то, что ничего не забыла и все привезла, за это спасибо. А теперь, девочка, иди-ка ты ложись спать, и не в это дурацкое кресло, а в нормальную кровать, я там тебе все чистое постелила. Пока отдохнешь я тебе твой любимый борщ сварю да пирожков напеку, а то ключицы аж через свитер выпирают. И поверь мне, все перемелется и мука будет, так и у тебя обязательно все наладится, не с ним, так с другим...

– Тетя Зин, – запротестовала Варвара.

– Ой, иди уже, лишенько мое, – горестно махнула на нее рукой тетя Зина и пошла со двора, унося с собой пакеты с лекарствами, и уже у калитки вдруг запела во весь голос: – «Зачем вы, девочки, красивых любите, одни страдания от той любви...».

Варвара горько улыбнулась ей вслед и вдруг почувствовала, как на нее наваливается непомерная усталость и она хочет лечь, очень хочет лечь в кровать. Вытянуться всем своим истерзанным телом на белых простынях. Утонуть в огромных перинах, пуховых подушках, за которыми так любовно и заботливо ухаживала тетя Зина. Кое-как стянув одежду, она упала в заботливо расстеленную постель. Ее голова еще не коснулась подушки, а она уже спала глубоким сном.

Дни проходили за днями. Иногда бывало солнце, чаще пасмурно и дождь. Восстанавливалась Варвара очень медленно и очень трудно. Тетя Зина ухаживала за ней, как за больным ребенком, не донимая расспросами. Днем она буквально заставляла Варвару учиться печь пироги с капустой, рыбой, которую «доставлял к их двору» Петр Петрович, сосед, чей дом располагался как раз напротив дома тети Зины, и только в разговоре с Варварой позволяла себе называть его ласково Петрушей, а при всех других только Петрович или Петр Петрович. Ему, как «настоящему полковнику в отставке», были не чужды черты истинного гусара, а именно широкие жесты (так, в минувший Новый год он подарил тете Зине, чуть не вызвав у нее остановку сердца, букет орхидей). Служба то ли в МВД, то ли ФСБ, то ли в ВДВ, он никогда не говорил на эту тему, но его «прошлое» было явно непростым, наложила на него определенный отпечаток – он был немногословен, молниеносно принимал единственно, как он считал, правильное решение, которое никто даже не пытался оспорить, и немного грубоват.

По вечерам тетя Зина устраивала торжественные чаепития из большого медного, с медалями, самовара с вареньем, с ее и Варваринными пирогами, которые по виду, но не по вкусу, отличались друг от друга примерно, как скульптуры Бернини от истуканов «Моаи» с острова Пасхи. Самоваром занимался только Петр Петрович, он и воду заливал, и растапливал его, это было настоящим священнодействием. Сначала Петрович закладывал в жаровню раскаленные угли, затем для придания чаю определенного аромата сверху добавлял щепу яблони, сливы или вишни и, когда вода в самоваре закипала, убирал жаровую трубу и ставил заглушку. С прямой спиной и на вытянутых руках, с торжественным видом Петрович вносил самовар на веранду, водружал его на дубовый стол, покрытый белоснежной, с яркой вышивкой скатертью, сверху ставился пузатый фарфоровый заварочный чайник с нарисованной Спасской, увенчанной красной звездой, башней Кремля. Варвара каждый раз пыталась разгадать загадку сияющей белизны скатерти и необыкновенную яркость расположенных по всему нижнему краю скатерти вышитых петухов, кренделей, пирогов, и разных фруктов–овощей, но тетя Зина только загадочно улыбалась и мертво хранила свою тайну.

Закончив чаепитие и убрав все со стола, пока Варвара с тетей Зиной мыли посуду, Петрович намывал и чистил самовар. Затем они дружно переходили в гостиную, и тетя Зина садилась за пианино. Из-под ее чуть огрубевших пальцев начинала литься музыка: иногда это была просто классика, иногда, и это зависело от всеобщего настроения, тетя Зина низким грудным голосом исполняла русские романсы, а иногда они все вместе пели русские, украинские и почти забытые песни советского времени.

Синяки, ссадины постепенно уходили с кожи, а вот с душевным состоянием было значительно хуже. Варвара, если тетя Зина занималась своими делами, могла часами неподвижно сидеть в шезлонге с книгой в руках, так и не прочитав ни одной строки, каждый раз вздрагивая от шороха шин редко проезжающих через их деревушку машин. Она ни о чем не думала, как в душе, так и в голове было, как говорят компьютерщики, «выжженное поле». Безделье оказывало ей медвежью услугу. Варвара угасала. Она старалась ни о чем не вспоминать, но ее тело предательски отказывалось забывать произошедшее. Его руки, губы, тело, его шепот, его запах, от которого Варвара никак не могла избавиться, все проникло в каждую клеточку ее тела, отравив его смертельным ядом тоски. Разумные доводы, которые она приводила себе, что нельзя жить прошлым, что жизнь на этом не заканчивается, что все равно из этого ничего бы

не вышло хорошего, что у многих в жизни не было того, что пережила она, и, главное, никогда не будет даже чего-нибудь подобного, не утешали.

– Сколько ты еще будешь прохладжаться? – первой не выдержала тетя Зина. – Когда твой больничный заканчивается, спрашиваю.

– Что? А, больничный, – отстраненно переспросила Варвара, – кажется, через пару дней. Я Ольге позвоню и попрошу, чтобы она его на неделю продлила.

– Нет, не позвонишь, – решительно выдала тетя Зина, – а завтра поедешь домой и забережь с собой совершенно одичавшего Бармалея, пока он не перепортил всех кошек области, а через «пару дней» выйдешь на работу. Может, это тебе как-то мозги поправит, а то на тебя смотреть тошно. Нет в мире таких мужиков, чтоб вот так убиваться.

– Да никто и не убивается, – выдала из себя Варвара. – Теть Зин, а что, где-то рядом с нами есть правительственные дачи?

– Детка, ты себя хорошо чувствуешь? – забеспокоилась тетя Зина. – Какое правительство, какие дачи? Богачи там, олигархи всякие есть, депутаты и актеры есть, только они там дальше, – и она неопределенно махнула куда-то рукой.

– Просто я видела какие-то знаки, что наша территория контролируется дронами, – и Варвара вопросительно вскинула брови.

– Ха, какие там «дроны», – заулыбалась баба Зина, – это на позапрошлых выходных к Егорычу, к тому, что у околицы живет, сын приезжал с семьей. Так внучок его, Павлушка, кстати, с версту коломенскую вымахал, вот он и наколотил эти доски по всему лесу. Говорил, что сам придумал и что это будет получше всякой охраны. Придумщик. Начитаются всякого, а потом чудить начинают. Он, кстати, все Машей интересовался, этой, что твоей Ольги дочка. Все спрашивал, приедет ли она этим летом. А ты, случаем, действительно не знаешь, приедут они с бабушкой своей, Верой Павловной? Эх, мы бы вам и солений, и компотов, и варений всяких накрутили!

– Теть Зин, я еще прошлогоднее не доела, – задумчиво произнесла Варвара, – а вот насчет их приезда не знаю. Так ты сама и позвони, вы ведь с тетей Верой подруги.

Из ее головы все не шел Павлушка со своей выдумкой, ведь благодаря его фантазии они тогда остались живы, а то ведь те действительно их могли сжечь в том старом сарае...

– Да, все забываю, – продолжала тетя Зина, – часами по телефону болтаем, а потом трубку положу и сразу вспоминаю, что главное-то я и не спросила, ну, думаю, в следующий раз спрошу и опять забываю. Ладно, все, вылезай из своего кресла, а то нашла убежище, и давай собирайся. О, смотри, твой красавец нарисовался...

Варвара вздрогнула и тревожно вскинула глаза.

– Да, я про Бармалея, – махнула на нее рукой тетя Зина, – ишь вся вскинулась. Ты, Варенька, давай-ка двигайся, а то действительно умом тронешься, ведь уж давно совершенно-летняя, а ведешь себя как дитё неразумное.

Варвара кивнула и, набравшись сил, вылезла из своего укрытия. По двору уставшей походкой, с ошалелой от счастья мордой шествовал Бармоша. Не дойдя до крыльца, он, как подкошенный, упал на бок и медленно, с утомленной ленцой со всей мочи потянулся и, переворачиваясь с боку на бок, неотрывно наблюдал за хозяйкой: мол, посмотри, как я хорош собой и как тебе повезло, что я у тебя есть. Варвара тоже потянулась, да так, что в спине что-то подозрительно хрустнуло. «Ну, вот я уже на части разваливаюсь, надо о душе думать, а я все о бренном». Она сделала несколько наклонов вперед, стараясь, не сгибая колени, достать руками пальцы ног, затем пару раз присела, и теперь захрустели колени.

– Ну вот, подвигайся, подвигайся, – снова вступила тетя Зина, с интересом наблюдая за происходящим, – только не больно надрывайся, еще успеешь напрыгаться, а я, пожалуй, пойду тебе в дорогу что-нибудь вкусное испеку, а то от твоих деликатесов у меня до сих пор с желуд-

ком проблемы. Ты такую гадость больше не привози и там у себя не ешь. А то напривозила сыров с плесенью, это же надо, отравка какая...

– Тетя Зин, – не выдержала и наконец развеселилась Варвара, – это были камамбер, гранд блю и горгонзола, деликатесные сыры.

– Ага, ты мне бы еще *casu marzu* притащила, – с гордостью глядя на впечатление, которое она произвела, произнесла тетя Зина, – итальянский сыр с червями, если ты, детка, этого не знала. Если мы живем в глуши, еще не значит, что мы не в курсе новинок европейской кухни. А твой камамбер все равно мне не нравится. Ты мне в следующий раз российского привези...

– Тетя Зин, – деликатно прервала ее Варвара, – патриотизм, конечно, дело хорошее...

– Ты еще слишком молода, чтоб учить меня, – остановила та ее и уже мягче добавила. – Я в том возрасте, когда вкусы менять уже поздно. А вот насчет патриотизма – ты хорошо сказала, что это дело хорошее, только проявляется это не любовью к сыру.

И царственной походкой она удалилась в свой дом. Варвара проводила ее ошарашенным взглядом, от растерянности забыв, зачем она вылезла из шезлонга и что собиралась дальше делать.

Дорога была почти пуста. Середина недели. Иногда встречались фуры, поодиночке и целыми колоннами. Редко на огромной скорости пролетали иномарки, которые Варвара провожала равнодушным взглядом. В голове медленно выстраивался план необходимых дел на сегодня. Надо отогнать машину к дяде Мише, позвонить и встретиться с Ольгой, взять у нее больничный и передать кучу гостинцев, которыми баба Зина так забила ее багажник, что машина теперь шла почти на ободах. Компоты, соленья, варенья для самой Варвары, для Ольги, Машундиля и Веры Павловны. Подвалы бабы Зины были почти полностью опустошены и готовы для принятия новых поступлений.

Она не торопясь обогнала междугородный автобус, забитый дремлющими пассажирами. В город она приедет в утренний час пик, но Варвара не собиралась ехать в «спальный» район через центр, лучше сделать небольшой круг, чуть больше километраж, зато значительный выигрыш во времени.

Бармалей на заднем сидении спал крепким сном, восстанавливая силы после затянувшегося уик-энда. Варвара включила радио, и тут же диктор преувеличенно бодрым голосом пожелал доброго утра, радостно пообещал понижение температуры и дождь. Она чуть сбросила скорость, ей не хотелось торопиться с возвращением туда, где ее ждали серые и унылые, похожие один на другой будни.

Она все успела. Встретилась с Ольгой, которая выразила восхищение ее поздоровевшим видом, хотя в глазах читалась плохо скрываемая тревога: видно, не так уж хорошо она выглядела. Поболтали о том, о сем, Ольга вспомнила шашлык и Ибрагима: что красивый мужчина, но чеченец, хотя, видимо, «очень цивилизованный чеченец». Варвара согласно кивала головой, промолчав о своих любовных подвигах. Расставались они шумно, искренне клянясь друг другу звонить по поводу и без повода и обе прекрасно понимая, что времени и часто сил для общения катастрофически не хватает, работа и быт засасывают по самую макушку, пережёвывая и жестко выплевывая отработанный материал. Напоследок Ольга, не выдержав, сказала: «Варь, ты смотри, если совсем невмоготу, ты звони, и я тебе дней на десять организую отдых, а лучше сдала бы ты анализы, а то выглядишь, как после суточного дежурства». Варвара пообещала, что если возникнут проблемы, Ольга будет первым человеком, к кому она обратится за помощью. На том они и порешили.

Позже вечером машина была отдана дяди Миши. Он что-то хотел спросить, но, внимательно посмотрев на Варвару, только махнул рукой и пообещал перезвонить, когда все будет готово.

Домой она вернулась на автобусе, предварительно зайдя в магазин и купив хлеб и корм для Бармалея. Шел мелкий нудный дождь. Но все равно – это была весна. Пусть дождь, пусть северный пронизывающий ветер, но все равно это была весна, холодная питерская, но весна. Все проходит. Закончится дождь, ну не сегодня, так завтра, ну не завтра, так через пару дней. Надо только верить, что все будет хорошо. «Если вы хотите, чтобы жизнь улыбалась вам, подарите ей сначала свое хорошее настроение», Варвара не помнила, откуда это выражение, но то, что оно сейчас всплыло в памяти, было так кстати. Что изменится, если она будет ходить с видом обреченного на смерть? Ну, было, было тогда здорово, было очень здорово. Она почувствовала себя настоящей женщиной, любимой и желанной. Ну, а дальше не сложилось, ну что ж не она первая, не она последняя. Хотите хэппи-энд, пожалуйста в Голливуд, а еще лучше Болливуд. А у нас здесь северная столица, Северная Пальмира, так сказать, нравы холодные, сдержанные, и если вдруг что-то где-то, так это не на нашей болотистой почве. Ну конечно, все вокруг виноваты, а она такая белая и пушистая, теперь и город ей чем-то не угодил, – она шла, мысленно ругая себя в третьем лице. Люди теряют близких, здоровье, жизни... внутри какой-то склочный голосок добавил: «И смысл жизни».

– Смысл жизни в самой жизни, – уже вслух произнесла Варвара и мысленно продолжила спор сама с собой, а в споре, как известно, рождается истина, хотя и не всегда, и скорее всего это именно тот случай. Но это не помешало ей выпрямить спину и гордо поднять голову. Как в отместку за ее выбор, сильный порыв ветра рванул из рук зонтик и ударил по лицу потоком холодной воды, скатившегося с его купола. «Не запугаешь, – неизвестно кому пригрозила она, – тем более и дом уже рядом». В голове всплыли строки из «Онегина»: «...лошадка, дом почуя, плетется рысью как-нибудь...». Правда, там лошадка снег почуяла, но сейчас это были сущие мелочи.

Перед ее подъездом сидели два мужика и ... пили пиво. Все бы ничего, но шел дождь, а навеса над скамейкой и в помине не было. На алкашей и бомжей они явно не похожи. Да и банки с пивом, которые они держали в руках, были закрыты. Они дружно повернули головы в ее сторону, один из них проследив за ее взглядом, и странно усмехнувшись, демонстративно открыл банку. Варвара сбавила шаг и беспомощно огляделась. Темно, грузные серые тучи тяжело легли на город, продолжая сыпать мелким дождем, полностью закрыв собой белые ночи. Сейчас на улице был «мертвый час». Рабочий люд был уже дома и ужинал под сериалы по телевизору, собачникам выходить было еще рано, и, конечно, никто не совершал в такую погоду вечерний моцион. Она растерянно остановилась и вновь оглянулась по сторонам. До подъезда оставалось несколько шагов, но его заслонили собой медленно поднявшиеся с лавки мужчины.

– Закурить не найдется? – с кривой ухмылкой произнес один из них.

– Она нэ курэт, – раздался голос за их спинами, с явно чрезмерным кавказским акцентом.

Двое резко обернулись, и дружно отбросив банки, опустили руки в карманы кожаных курток. В дверном проеме стоял джигит в черных джинсах и майке, и не просто джигит, это был «старший брат». Он доброжелательно улыбнулся, но от этой улыбки у Варвары по кожи пошли мурашки.

– Наш район вабще нэ дла кураших, – добавил джигит и еще раз улыбнулся, чуть напряг, как перед прыжком, тренированное тело, – курэнье может угрожать нэ только здоровью, но и жизни.

За его спиной нарисовались еще двое, один из которых как-то странно держал руку за спиной. Безмолвная дуэль длилась недолго: перевес был явно на стороне детей гор.

– Не надо так нервничать, генацвале, – успокаивающим тоном произнес один из «кожаных», медленно извлекая руки из карманов куртки и показывая пустые ладони, – мы вас покидаем.

– Тэбэ тамбовский волк гэноцвали, – почти нежно и все с той же улыбкой закончил с ним разговор «старший брат» и, уже обращаясь к Варваре добавил на чистом русском языке: – Сестра, долго под дождем стоять будешь, заходи в дом.

Варвара не стала ждать повторного приглашения и ринулась, не разбирая дороги в спасительный дверной проем. Она неслась с такой скоростью, будто за ней гналась стая волков. Бежала без оглядки, со всей силой шлепая по лужам, взметая по ходу тучи брызг. «Братья» расступились, впустив ее в подъезд, и как только она оказалась, за их спинами тут же сомкнули строй. Варвара, перепрыгивая через две ступеньки, на одном дыхании оказалась у лифта и нажала на кнопку вызова. Лифт ровно загудел; опускаясь с верхних этажей, он еще не успел окончательно спуститься, как дверь подъезда тихо закрылась.

– Варвара, можно вас пригласить к столу? – раздался за ее спиной голос «старшего брата».

– О нет, огромное спасибо, – выпалила она и еще несколько раз судорожно нажала на кнопку вызова лифта, стараясь ускорить его движение. – Я сегодня очень, просто жутко устала. И, простите, это, наверно, не к месту, а как вас зовут и как вы здесь оказались?

– Мансур, – представился он, – меня зовут Мансур. – Извините, не сказал сразу. А как оказались? Квартира на первом этаже, окна выходят на ту сторону, что и подъезд... Мы за стол сажались, а он у окна... Так, может, покушаете с нами, окажите нам внимание, пожалуйста.

– Спасибо, Мансур, спасибо, – она схватила холодными, мокрыми от дождя ладонями его горячую руку и с силой потрясла, – за все спасибо, ... но не сейчас, не сегодня...

– Я с вами тогда поднимусь, – полувопросительно, а скорее полуутвердительно сказал он, и в его голосе прозвучали понимающие нотки, – и провожу до квартиры.

Варвара повернулась к нему и резко притянув его к себе крепко поцеловала в щетинистую щеку. Даже сквозь смуглую кожу было видно, как он покраснел от смущения.

– Спасибо, Мансур, спасибо вам всем, – снова повторила она.

– Не благодари, нам с тобой никогда не расплатиться, – и, подождав, когда она войдет в свою квартиру, прощаясь, чуть склонил голову, прижав правую руку к своему сердцу.

Закрыв за собой дверь, Варвара, ни секунды не сомневаясь, подперла ее стулом. Бармалей с удивлением наблюдал из комнаты за ее действиями, затем подошел к не на месте стоящему стулу и, обнюхав его, запрыгнул, подставив под руку хозяйки мохнатую голову для получения порции ласки.

– Бармоша, не до тебя сейчас, – пробормотала она и, мимоходом погладив кота, прошла на кухню. Выложив содержимое пакета, она его кое-как скомкала, затем, недоуменно посмотрев на дело своих рук, передумала и разгладила, решив, что он еще пригодится, вытерла и повесила на холодную батарею: пусть сохнет. Делать ничего не хотелось. Варвара прошла в комнату и, не включая свет, легла на диван, положив руки за голову. Бармоша тихо, на полу согнутых, подошел к дивану и, мягко запрыгнув, устроился у нее под боком. Он чувствовал, происходит что-то неладное, что-то очень плохое, никогда еще в их доме не было так тревожно.

Варвара смотрела в потолок, стараясь хоть как-то понять и объяснить происходящее. Маньяк, «Гризли» с его непонятным поведением, эти «двое из ларца, одинаковы с лица». Что происходит с ее жизнью? Ладно, раскладываем все по полочкам. Маньяк – это дикое совпадение случайностей, спасибо судьбе за то, что все обошлось, хотя бы для нее и для этой девочки, Фариды. Надо будет к ней обязательно зайти и что-нибудь подарить. Да, надо будет обязательно купить для девочки подарок, и как она раньше об этом не подумала? «Гризли», тоже случайность, а его дальнейшее поведение – закономерность. Это раньше – поцеловал, женись. Сейчас другие времена и секс – это не повод даже для знакомства. Просто случайно в тот момент именно она оказалась рядом, была бы другая на ее месте и девяносто девять процентов из ста было бы все точно то же. Увидел, использовал и забыл.

От жалости к самой себе у нее сжалось сердце и глаза наполнились предательскими слезами. Нечего рыдать, тут же остановила она себя, и вообще последнее время у нее слишком часто глаза стали бывать на мокром месте, а ведь она никогда не была кисейной барышней. «Поэтому будем считать, что мне очень даже повезло», Варвара занялась психотерапией, как барон Мюнхгаузен вытаскивал себя за косичку из болота, так она старалась вытащить себя из трясины тоски. Неожиданное романтическое приключение на сеновале. Пошла и не пожалела, во всяком случае, тогда не пожалела, да еще и жива осталась. Так что будем считать, десять дней, прошли «позитивненько», спасибо «Гризли» и тете Зине. Она села на диване «птурецки» и, поставив локти на колени, подперла лицо кулаками. Бармалей жалобно мяукнул, демонстрируя неодобрение смены ее положения.

– Так, ну а эти двое откуда? Тоже случайность? – спросила она себя и тут же ответила: – Когда столько случайностей, то это становится закономерностью. И мне это категорически не нравится, – сообщила Варвара Бармалею. – Знаю, знаю, что ты думаешь, хитрая морда: что нет неприятностей, с которыми мы не справимся.

Она почесала его за ухом и в ответ услышала довольное утробное мурчание.

– Надо идти в душ и спать, – сообщила она коту, – завтра на работу, а там очень «дружный» и очень «внимательный» коллектив, живущий по принципу «один за всех и все против одного». Но, Бармоша, поверь, закончится наша черная полоса, ибо «ничто не ново под луной», как там дальше у Карамзина, не помню, а вот последние строки: «И прежде кровь лилась рекою, и прежде плакал человек» ... Судя по высказыванию классика, у них тоже жизнь была не сахар.

И вновь потекли однообразные будни. На работе все было по-прежнему. Поступали и выписывались пациенты с разной степени сложности травм. В клинике чувствовалась какая-то напряженность, идущая сверху, от административного руководства клиники. Иногда атмосфера накалялась до предела, что отражалось на работе всех и каждого, от санитарок до «эшелонов верховной власти», и тогда начинали вспыхивать локальные конфликты, грозящие перерасти в нечто большое, хотя до кровопролитных схваток дело не доходило. Все проходило мимо Варвары. Она не участвовала в сварах, не принадлежала ни к одной группировке, ни за главного врача, ни против, ни за начмеда, ни против, ни за заведующего отделения, ни против. Варвара просто работала и старалась жить своей жизнью.

А жизнь потихоньку входила в колею. Больше не было маньяков, уехали чеченцы, горячо с ней попрощавшись и клятвенно пообещав передать Фариде, которую сразу после происшествия увезли домой в Грозный, куклу – доктора, которую она ей купила. О «Гризли» она ничего не знала, да практически и не вспоминала, хотя порой на нее накатывала странная, ранее не свойственная ей слезливая тоска. Те люди «в кожаных куртках и с пивом» или даже что-то подобное больше не объявлялись. Все-таки, наверное, они тоже были случайностью. Варвара вынесла окончательный вердикт, что май был месяцем случайностей, пришел июнь, а затем июль, лето, и все встало на свои места.

Жизнь продолжилась в обычном размеренном ритме. Телевизора у нее не было, и о происходящих в мире и в ее стране катаклизмах она, как обычно, узнавала в укороченном формате, перед утренней конференцией в ординаторской. Этого ей было более чем достаточно, чтобы испортить себе настроение на неделю вперед. Она не в силах была что-либо изменить, а «полахать праведным гневом», сотрясая воздух пустыми возмущениями, у нее не было ни сил, ни настроения.

Последнее время она стала быстро уставать и все время хотелось спать. Перенесенные стрессы дали о себе знать. Среди врачей они называли это «синдромом второго дня». Когда у человека проблемы, сильные стрессы, он держится, а как только все закончилось и вроде наступил покой, здесь начинается самое неприятное – отдача. Заканчиваются компенсаторные

возможности и наступает состояние «выжатого лимона», а рядом с ними тихо таится депрессия.

– Вы так похудели, Варвара Семеновна, – раздался позади нее мужской голос, – и эта аристократическая бледность с зеленоватым оттенком, не могу сказать, что вам к лицу, однако придает определенную пикантность и пробуждает желание вас хорошо покормить. Вы что, на работе несколько суток подряд?

Варвара резко обернулась и увидела улыбающуюся физиономию Степана Петровича, заведующего отделением анестезиологии и реанимации, блестящего специалиста, и одновременно, ну конечно, в нужном месте и в нужное время, отменного остряка и балагура.

– Ну так что повлияло на такое кардинальное изменение внешности? – продолжил он, сжав в своих лапищах ее маленькую ручку. – Вы влюблены, и почему-то, в свои шестьдесят с гаком, мне кажется, что это не я герой вашего романа.

– Нет, я, к сожалению, не влюблена вообще, – пожав плечами ответила Варвара, – дежурство было три дня назад, да и то спокойное, даже удалось поспать. Сейчас весь народ за городом живет, вон за окном какое чудное лето, даже на юг ехать не надо. А вы где отдыхали? Вы же в отпуске были?

– Да, был, – согласно кивнул головой Степан Петрович, – на даче в Карелии, замечательно отдохнул. Только зубы мне не заговаривай, душа моя...

Разговор был прерван звонком мобильного: еще никогда Варвара так не радовалась его своевременности.

– Да, – ответил в трубку Степан Петрович, – подавайте, я договорюсь. Варвара Семеновна подойдет? Ок. Я тоже думаю, что повезло. Варь, там у «полостников» эвентерация, а у них на отделении один Дмитрий Сергеевич и ординатор первого года, ты ж понимаешь, он только на крючках стоять может.

Когда Степан Петрович волновался, он начинал обращаться к ней на «ты», и Варвару это нисколько не смущало. Пятница и конец рабочего дня, конечно, народ старался работать в ускоренном режиме, чтобы все сделать побыстрее и пораньше и, конечно, под благовидным предлогом, исчезнуть с работы. У нее такого предлога не нашлось, хотя с утра как-то периодически кружилась голова, и, кажется, она уже второй день ничего не ела, просто не хотелось, от голода и пониженного давления начала накатывать тошнота – депрессия накрывала равнодушно и зло. И закон подлости: именно в пятницу чаще всего у них в клинике случались всякие пакости. Конечно, она согласится, у нее даже мысли не возникло отказать Степану Петровичу или Димке – хороший парень, хороший хирург...

– Ну вот и ладненько, – прервал ее мыслительный процесс заведующий, – они уже пошли мыться. Пойдут под эндотрахеальным, так что давай быстро.

Варвара согласно кивнула и ускорила шаг, на ходу снимая белый халат. Переодевшись в операционный костюм и намыв руки до треска кожи, она вошла в операционную. Дмитрий с ординатором, уже намывшие и экипированные в стерильные колпаки, маски, халаты, стояли, скрестив руки, ожидая, когда анестезиологи дадут свое «добро». Варвара, поздоровавшись со всеми, заняла место первого ассистента.

– Дим, пару слов о клиенте, – попросила она, – хотя б в основных чертах.

– Варь, банальная история и, если коротенько, – глуховато, через маску, начал Дмитрий Сергеевич, – этот «кент» пару месяцев назад вернулся из мест не столь отдаленных и так радовался свободе, что третьего дня во время «дружеской» попойки, не поделив с друзьями хвост от селедки или чего-то там еще, получил проникающее ножевое ранение в живот. Наши его прооперировали, часть тонкого кишечника ушла в тазик, но все было чистенько, зашили наглухо. Он и в реанимации был всего ничего, перевели в палату, утром перевязали все было хорошо. А потом меня зовут в палату, говорят, у него как-то повязка вздулась, я ее снял, а там кишечник наружу.

– Он на спор тумбочку поднял, – встрял в разговор ординатор и добавил извиняющимся тоном: – Это его соседи по палате рассказали.

– Можно, – прозвучало указание к действию, и операция началась.

Операция длилась неожиданно долго, все оказалось непросто, но они были молодцы и справились. И это принесло удовлетворение в душу Варвары, когда Димка искренне обнял ее и сказал, что ему повезло, что она не успела уехать домой. В раздевалке, переодевшись в свой обычный клинический костюм и уже натягивая халат, она почувствовала, как все поплыло перед глазами и потом затянуло густой черной пеленой.

Очнулась Варвара, лежа на жесткой каталке, от резкого удушающего запаха, Димка активно совал ей под нос тампон с нашатырным спиртом. Иришка, медсестра, туго перетянув ее руку резиновым жгутом, налаживала контакт с веной. Степан Петрович на другой руке мерил давление.

– Ну ты даешь, звезда, – произнес Дмитрий, увидев, что она открыла глаза, – перепугала всех насмерть.

– А я что, я ничего, – вдруг запричитала прижавшаяся к стене студентка первого курса медицинской Академии и по совместительству санитарка оперблока Мариночка, – я в раздевалку захожу, а она на полу лежит вся белая и не дышит.

– Ну да, – скептически произнес зав анестезиологией, – так надо было орать на весь коридор, что Варвара Семеновна умерла. Я сам чуть было рядом не лег. Ну вот и давление, хоть и низковатое, но есть. Сейчас мы тебе глюкозку с аскорбинкой прокапаем, и румянец появится, а то представляешь из себя душераздирающее зрелище. Укройте ее, а то она вся холодная. Может, коньячку с кофейком?

Варвара отрицательно замотала головой: от одной мысли о спиртном к горлу покатило тошнотворный комок.

– Дим, убери нашатырь, – наконец взмолилась она, – ты меня сейчас им задушишь. Дмитрий Сергеевич смутился и тут же убрал вонючий тампон от ее лица.

– Ну, ты как?

– Значительно лучше, – выдавила из себя Варвара.

В оперблок, чуть с коробкой не вынеся дверь, влетела Татьяна Григорьевна, гинеколог.

– Она жива?

– Жива, жива, – забубнил Степан Петрович, – похоже на голодный обморок... – И вдруг, чуть запнувшись и как-то странно посмотрев на Варвару, добавил: – А может, ваши женские дела.

– Никаких женских дел нет, – окончательно приходя в себя, категорически произнесла Варвара.

– И давно? – живо заинтересовалась Татьяна. Степан Петрович демонстративно закатил глаза и, подхватив Дмитрия Сергеевича под руку, начав разговор о написании протокола операции, поволок его в сторону ординаторской.

– Тань, ты, о чем? – у Варвары от удивления, глаза приняли странную, почти квадратную форму. – Ты же прекрасно знаешь, что у меня ничего не может быть, потому что не может быть никогда. У меня есть задержка, но я перенесла очень сильный стресс и такое бывает.

– Угу, – согласилась Татьяна, – смотри, все, капельница закончилась. Встать можешь? Ну и хорошо, пойдём-ка я тебе УЗИ сделаю и по ходу, из своей практики, очень интересную историю расскажу. В моей далекой молодости, еще в интернатуре, дежурила я сутки в ургентной гинекологии. Ночь, конечно, как всегда бешеная была. Ну, под утро только задремала, и медсестра меня будит, говорит, что с отделения общей хирургии привели на консультацию женщину, у которой больших размеров забрюшинная опухоль с явлениями некроза и в оперблоке уже операционную разворачивают. Если у женщины острая патология брюшной полости, обязательно должна быть консультация гинеколога.

Варвара понимающе кивнула, она прекрасно знала эти алгоритмы. Они уже вошли в кабинет ультразвуковой диагностики, и Татьяна, постелив на кушетку чистую пеленку, включила аппарат.

– Так вот, – продолжила она в ожидании, когда техника прогреется и заработает, – выхожу я в коридор, а там в кресле, как-то завалившись на бок, сидит «пухляшечка» лет сорока и странно так стонет. А ко всему интересному, у нее на подбородке еще и густая щетина. Это сейчас я бы подумала, что она трансвестит, тогда мы даже таких слов не знали. Ну, пригласила я даму в смотровую, а она мне, что ей, мол, неудобно передо мной, у нее, видишь ли, моча постоянно течет. Гинеколога трудно испугать такими пустяками. Я ей предлагаю лечь на кресло и задаю любимый вопрос: «Когда последний раз были дамские дела?». Она мне и отвечает, так, навскидку, почти год назад, и тут же добавляет, что у нее «бесплодие центрального генеза», задержки по полтора года бывают и детей у нее быть никогда не может. Представляешь, Варь, сколько человек, далекий от медицины, обследовался, лечился, что запомнил такое выражение, как «бесплодие центрального генеза». Варь, не стой над душой, а давай ложись и оголяй живот.

Варвара медленно повиновалась.

– Ну вот, – между тем продолжила Татьяна, выдавливая из тубуса холодный гель на ее голый живот, – ложится эта мадам на кресло, я смотрю, а то не моча, а воды, и прямо на меня идет голова ребенка. Я бегом в ординаторскую и говорю своим, что у нас в «гнихой» смотровой рождает женщина с «бесплодием центрального генеза». Ох, все тогда как рванули. Каким темпом мы ее переводили в ближайший родильный дом! А она нам: что я мужу скажу, я в Питер в командировку приехала. Мы ее пытаем: ты что не чувствовала, что живот растет, а она отвечает, что ну да, поправилась последнее время; ну а шевеление? Так, говорит, всегда проблемы с кишечником были, просто бурлить стал больше. В общем, успели мы ее перевести в роддом, где она благополучно и разрешилась здоровым мальчиком. Варь, сколько у тебя задержка?

– Почти два месяца.

– Ага, – согласилась Татьяна, водя датчиком по животу, – значит, стресс, говоришь. Ну что ж, всякое бывает. Только знаешь, Варь, это не твой случай. Я тебя поздравляю: ты, подруга, беременна. А говорят, чудес на свете не бывает! Когда оно вот и срок ему семь – восемь недель. Сердечко, хорошее и похоже это мальчик, Варь, действительно хороший, просто очень качественный мальчик. Так, только, пожалуйста, не вздумай завалиться здесь в обморок. Ты себя как чувствуешь?

– Таня, не поверишь, я себя сейчас вообще не чувствую. Пытаюсь понять то, что ты мне сказала, это первое, а второе – стараюсь не сойти с ума, а в-третьих, думаю, что у меня нет вариантов. – Варвара перевела дыхание, – Тань, а мне какие надо сейчас витамины пить?

– Слышу слова «не мальчика, но мужа», – довольно провещала Татьяна. – Варь, ты молодец, ты справишься. Я тебе сейчас напишу все, что необходимо принимать на ранних сроках и какие анализы необходимо сдать, если будут проблемы, терапию скорректируем. И еще никаких стрессов. Теперь главный жизненный девиз – «плевать на все и на всех». Думать только о своем ребенке, растить его в полном позитиве. Читать Маршака, Чуковского, Барто, а лучше учить наизусть. Детишкам это очень нравится. Слушать классическую музыку, не пить, не курить, не употреблять наркотики.

– Таня, подожди, я не успеваю за тобой, – не выдержала и сдалась Варвара, как она ни старалась, но никак не могла «объять необъятное», то есть полностью усвоить непрерывным потоком поступающую информацию.

– Не волнуйся, я все тебе напишу: Варь, а отец кто-то из наших? – неожиданно спросила Татьяна, что-то чирикавая шариковой ручкой на клочке бумажки.

Варвара вздрогнула от неожиданности: – Нет, из «ихних», да это и не интересно... И подумала о том, что, пожалуй, она и сама бы не прочь поподробнее узнать об отце своего ребенка.

– Прости, ради Бога, прости за идиотский вопрос, – Татьяна готова была расплакаться, – иногда от усталости начинаешь терять человеческий облик. Я честно без задней мысли, я не хотела тебя обидеть. Варь, прости меня, пожалуйста. А знаешь, приходи ко мне завтра в гости. Я сегодня дежурю, но мы закрыты на ввоз, отделение переполнено, поэтому будет настроение, давай увидимся, как говорится, в неформальной обстановке. Познакомлю тебя с моей мамой, она у меня необыкновенная, а еще у меня дочка растет...

– У тебя есть дочь? – переспросила Варвара. – Ты никогда о ней не рассказывала. Сколько ей?

– Уже невеста, – гордо сказала Татьяна, – ей три годика.

Они дружно, будто девчонки-школьницы, прыснули от смеха.

– Это круто, только для моего сынули она уже старовата, – продолжая давиться смехом, выдала Варвара и, вытирая выступившие слезы, добавила: – Насчет гостей мысль замечательная, только у меня сейчас такое состояние, будто по голове стукнули не просто кувалдой, а молотом судьбы. Гул стоит от макушки до пяток. Едва я смирилась с мыслью, что кошки – это мое все, и вдруг мир изменился. Пока у меня совсем голова не уехала за горизонт, я постараюсь добраться домой. Таня, об одном прошу: пусть это, хотя бы пока, останется нашей тайной.

– Ну конечно, хотя первой мыслью было вывесить плакаты о твоей беременности на всех этажах, – притворно тяжело вздохнула Татьяна и сунула Варваре в руку исписанный каллиграфическим почерком лист бумаги. – Так как у тебя сейчас будет прогрессировать отек мозга и память будет, мягко говоря, ухудшаться, я тебе кое-что тут написала, что необходимо делать в первую очередь. И убери с лица эту дурацкую счастливую улыбку. Постарайся выглядеть на работе как обычно, а то у тебя вся информация на лице написана крупными буквами.

– Тань, я тебя люблю, – еще раз хихикнула Варвара и постаралась сделать сосредоточенное лицо, но оно, живя своей жизнью, снова расплывалось в счастливой улыбке. Татьяна с выражением полной безнадежности махнула на нее рукой.

Приведя одежду в порядок и забрав лист с рекомендациями, Варвара неуверенной походкой вышла из кабинета. Когда за ней закрылась дверь, в кабинете стало тихо, только ровно гудел аппарат УЗИ, светясь экраном с изображением маленького человечка. Татьяна откинулась на спинку стула и перевела дыхание. В памяти ярко всплыло выражение лица Варвары, когда она безапелляционным тоном ей вынесла приговор – бесплодие. Как она могла? Но ведь все анализы были нулевыми: ни тебе гормонов в достаточном количестве, ни даже признаков созревания яйцеклетки. А сейчас еще и, – кто отец? Вот стыдоба, ну полная дура. И при чем здесь усталость – самое глупейшее оправдание, просто брякнула первое, что пришло в голову. Ведь Варвара не спросила, где отец ее дочери.

Вообще Варвара ей нравилась своей бескомпромиссной честностью, профессионализмом и какой-то, не по возрасту, бесшабашностью. Хотя что возраст – ничего, она, Татьяна, на год ее старше. И еще она никогда не лезла с расспросами в личную жизнь, причем не только к ней, к Татьяне, но и к другим тоже. Со всеми была максимально корректна, вежлива и держала не оскорбляющую никого дистанцию. Хотя, кажется, с начальством у нее что-то там не ладится. «Но при чем здесь начальство, если, я как последний придурок в грязной обуви, да в чужую душу – «кто отец?» – от этой мысли Татьяна, обхватив голову руками, застонала в голос. – «А потом еще это корявое приглашение в гости. Я совсем с ума сошла. В гости... Куда в гости? В малогабаритные «хоромы» из двух комнаток, одна из которых превращена чуть ли не в реанимационную палату, где в коридоре два человека разойтись не могут». Татьяна с опаской оглянулась, будто кто-то в темном кабинете мог подслушать ее мысли. Но все было по-прежнему – темно и тихо, и только экран продолжал матово светиться. Татьяна нажала на

«пуск», и компьютер послушно распечатал фотографию. Она положила ее в карман, чтобы при случае передать Варваре, и тут же взяла начавший вибрировать телефон. На экране большими буквами высветился «Приемный покой».

– Иду, – не уточняя, кто и что, сказала она в трубку и, выключив технику, тряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли, «надела» на лицо радушную улыбку и, закрыв за собой дверь кабинета, легкой походкой побежала по лестнице на первый этаж, зная из собственного опыта, что так быстрее и надежнее, чем на больничном лифте.

Варвара шла как будто во сне. По лицу блуждала улыбка, да такая, что люди, которые шли ей навстречу, вдруг тоже начинали улыбаться. Мир стал другим, ярче, сочнее, радостнее. Он стал необыкновенным, добрым и счастливым. Хорошо, что сейчас лето, очень хорошо, что оно такое замечательное, совсем не питерское, с такими яркими красками, запахами, звуками. Все пережитое оказалось таким далеким и мелочным по сравнению с тем, что в ней растет новая жизнь. Все вдруг стало с головы на ноги и приобрело совершенно другой смысл. Варвару переполняли любовь и чувство неимоверного счастья, оно огромной горячей волной захлестнуло ее, укутало и унесло в другую страну, где нет ничего невозможного. У нее будет ребенок, такой неожиданный и такой желанный. От ощущения своего нового состояния у нее слегка кружилась голова. Теперь она обязательно будет хорошо питаться и пить витамины.

Зайдя в аптеку, она закупила все, что было в Татьянинном списке, и оценила тот факт, что даже очень-очень маленькие дети – удовольствие весьма дорогое, и это ее совсем не расстроило и не испугало. Что значат деньги по сравнению с новой жизнью.

Добравшись домой, она совсем другими глазами увидела свою квартиру. Минимализм до полного аскетизма. Все только необходимое для жизни. Из роскоши только книги, огромное количество книг, которые начинали собирать еще ее бабушка с дедом. Варвара гордилась своей библиотекой и каждый вечер, почти физически наслаждаясь, читала, открывая для себя новые миры или заново старые. Электронные книги, конечно удобнее, они не занимают столько места, не собирают пыль. Но какое наслаждение доставляет сам процесс перелистывания страниц, запах самой книги. Это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Основные трудности, которые были связаны с библиотекой, – это Бармалей. Ему тоже очень нравился шелест страниц, и от удовольствия он их отчаянно рвал.

– Бармоша, мы с тобой удивительно счастливы, – сказала она коту, положив в его мисочку еду и заодно почесав за ушком. Бармалей наблюдал за хозяйкой с определенной долей настойчивости, зная по горькому опыту, что такие приступы необыкновенной веселости и нежности потом сменяются необъяснимой грустью. Но когда Варвара, найдя разодранную книгу, не устроила ему нагоняй, а спокойно ее выбросила, у кота началась паника. Откуда ему, мхнатому, было знать, что, к сожалению, не все книги представляют собой художественную ценность и некоторые годятся только для таких целей? Завтра она пойдет гулять в Летний сад, на катере покатается по каналам. Ей нужен свежий воздух.

– А на дачу, Бормоша, мы поедем уже только в мой отпуск. Но не переживай, твои подружки не успеют соскучиться, отпуск не за горами.

И все прошло, как она задумала, Летний сад с уютными беседками, тенистыми аллеями и фонтанами. Варвара долго сидела с томиком Чехова в руках, нежно поглаживая его, как маленького ребенка. Она очень любила Антона Павловича. Заканчивая читать восемнадцатый том, могла вновь вернуться к первому, читая и перечитывая его рассказы, очерки, пьесы, и всегда открывала что-то новое в Чехонте. Иногда, просто беря в руки любую из его книг и открыв с любой страницы, начинала читать и уже не могла оторваться. Но сейчас ей было просто очень хорошо, и, продолжая поглаживать книгу, она упивалась своим состоянием в этой уютной прохладе, которую создавали своими густыми кронами старые деревья на скамейке рядом с мраморным фонтаном «Пирамида», казавшимся ей таким празднично-воздушным,

сотканым из белого света, таким радостным, летящим, несмотря на столь громоздкое название. Она была так счастлива, как осужденный, приговорённый к смертной казни в последнюю минуту, когда топор занесли над головой и, казалось, нет такой силы остановить его блестящее лезвие, вдруг получивший помилование и, кроме жизни, ему в придачу еще подарили полцарства. Улыбка не сходила с ее лица и становилась еще шире, когда она видела гуляющих с малышами, озабоченных чем-то мам, сюсюкающих бабушек, с важным видом созерцающих юное поколение дедушек.

Затем Варвара прогулялась до Петропавловской крепости и там на причале сев на прогулочный катер, почти два часа каталась по питерским рекам и каналам, заново открывая для себя необыкновенную красоту набережных с их дворцами и парками. Во время прогулки она перекусила взятыми с собой бутербродами с сыром и листьями салата, запивая эту вкусноту зеленым чаем из термоса-кружки. Теперь никаких перекусов в кафешках, быстро и прочих заведениях подобного рода. Здоровый образ жизни, здоровое питание и хорошее настроение – теперь это должно быть нормой ее жизни. Хотя как там у любимого Пушкина: «Надежды юношей питают, отраду старцам подают, но все же постепенно тают...». Конечно, будут проблемы... «А вот когда они будут, тогда и будем их решать» – обнадежил ее внутренний голос, а сейчас так все хорошо, так замечательно. От прогулки и от новых ощущений чуть кружилась голова и от усталости немного ныли ноги. Но душа пела и все тело радовалось жизни. Она любила этот мир и была счастлива.

Понедельник начинался как понедельник, как и любой день рабочей недели, – со звона будильника и недовольной мордахи Бармалея, что хозяйка встает ни свет ни заря, когда ему еще хочется помять бока на мягком диване. Но Варвара считала, и это было совершенно оправданно, что каждый день – это маленькая жизнь с ее радостями и печалью, с новыми открытиями, познанием чего-то нового или хорошо забытого старого. Каждое утро она просыпалась в ожидании чуда, и чудо наступления нового дня ее не подводило. Она училась жить по-новому, училась, радоваться не только хорошей, но и плохой погоде, хорошим новостям и не очень хорошим, стараясь ставить стену между собой и негативом. Не всегда получалось, но она очень старалась. Поэтому и сегодня, не смотря, что понедельник, как известно, день тяжелый, было солнышко, скоро отпуск и жизнь удивительна и прекрасна. Это Варвара уже произнесла вслух, чем совершенно не удивила кота, давно закалившего свою нервную систему ее длинными монологами. Творог на завтрак и кофе с молоком, немного кофе и много молока. Мысль о переходе утром на зеленый чай, возникающая накануне вечером, утром растворялась легкой дымкой, не оставляя и следа. Бармалею свежую воду в одну миску, еду в другую. Пока была в душе, кот покинул их общий диван и начал на кухне свой завтрак. Варвара, незаметно проскользнув из ванной в комнату, привычными движениями убрала постельное белье и собрала диван. Бармалей не успел застолбить налёжанное место и, появившись в комнате, был разочарован, что она успела навести, по ее мнению, порядок, а по его кошачьему разумению – полное безобразие, убрав такое шикарное лежбище. Рабочая неделя начиналась замечательно, с улыбки.

– Все будет хорошо, – пообещала она Бармалею, выскакивая на лестничную площадку и хлопывая за собой дверь. Варвару не покидало хорошее настроение, и это несмотря на легкую тошноту, которая еще продолжала беспокоить ее по утрам, но теперь была ясна причина и все воспринималось совершенно иначе.

На работу она приехала чуть раньше обычного, везло с общественным транспортом. Автобусы подъезжали к остановке, как только она туда подходила, были полупустыми и ехали быстро, не застревая в пробках. Первым человеком, которого она встретила еще у входа в клинику была, Марфа Васильевна, и Варвара, радостно с ней поздоровавшись, сочла эту встречу добрым знаком.

– Здравствуйте, здравствуйте, Варвара Семеновна, рада видеть вас. Выглядите вы просто замечательно, как будто вас ангел поцеловал. Просто светитесь изнутри. Глаза блестят, румянец во всю щеку. – Марфа Васильевна, улыбаясь, закивала головой подтверждая, правоту своих слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.